Д. МЕЛЬНИКОВ, Л. ЧЕРНАЯ

ДВУЛИКИЙ АДМИРАЛ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Все, что сказано в этой книге, основано на исторических фактах. Они почерпнуты из многочисленных исследований, документов, из архивов, свидетельских показаний и бесед.

Цель издания — рассказать об одной из самых таинственных и зловещих политических фигур предвоенного времени и периода второй мировой войны — о руководителе фашистской военной разведки Канарисе.

Вокруг Канариса создано немало легенд. Многие буржуазные ученые, публицисты, писатели, сценаристы пытаются представить Канариса врагом фашизма, оправдать его преступные действия. Это стало своеобразной модой на Западе, потому что концепции и дела фашистского разведчика оказались по вкусу современным авантюристам из лагеря «бешеных».

Возвеличение «тотального шпионажа», методов обмана и бандитизма, террора против прогрессивных сил является сейчас составной частью подготовки империалистами новых военных авантюр. Поэтому разоблачение теории и практики одного из основоположников концепции «тотального шпионажа» имеет большое актуальное значение и представляет несомненный интерес.

Авторы этой книги специалисты по истории Германии — доктор исторических наук *Д. Е. Мельников* и литератор *Л. Б. Черная*.

- Двуликий адмирал
  - ○
  - ○ Эпилог вместо пролога
  - ○ Путь в «лисью нору»
    - ■
    - ■ Становление разведчика
    - ■ Поиски хозяина
    - ■ Шеф абвера
  - ○ Вершина власти
    - ■
    - ■ Абвер во Франции
    - ■ Дивизия «Бранденбург»
    - ■ Международная сеть Канариса
  - ○ Цена просчета
    - ■
    - ■ Канарис против Канариса
    - ■ Канарис и фашистские фюреры

        - Абвер и гестапо
        - Последние дни
    - Заключение
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11

Двуликий адмирал

Д. МЕЛЬНИКОВ,
Л. ЧЕРНАЯ

ДВУЛИКИЙ АДМИРАЛ

(Главарь фашистской разведки Канарис и его хозяева)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1965

Эпилог вместо пролога

23 июля 1944 года, 6 часов вечера. У начальника VI (иностранного) управления имперского ведомства безопасности Вальтера Шелленберга затрещала «лягушка» — зеленый телефон, который связывал его с высшими должностными лицами фашистской империи. В трубке раздался резкий голос Мюллера, начальника гестапо[1].

— Вам приказано немедленно отправиться на виллу Шлахтензее, арестовать адмирала Канариса и отвезти его в лагерь Фюрстенбюрг. Об исполнении доложить мне.

Шелленберг был озадачен и оскорблен. Мюллер занимал в табеле о рангах СС такое же место, как и он сам, — начальника управления. С какой же стати Мюллер отдает ему приказы? Кроме того, арест Канариса был делом деликатным и рискованным. Если хитрому адмиралу удастся вывернуться, ему, Шелленбергу, несдобровать — он наживет себе смертельного и опасного врага. После паузы Шелленберг ответил:

— Я не занимаюсь арестами. Это ваше дело, Мюллер. Приказы я получаю, так же как и вы, лично от Кальтенбруннера[2] или Гиммлера. В данном случае я могу выполнить приказ, только если буду иметь подтверждение от рейхсфюрера СС.

Шелленберг положил трубку и задумался. Мысли, которые пронеслись в этот момент в его голове, он изложил впоследствии в своих мемуарах, вышедших посмертно в Англии.

Мюллер, рассуждал Шелленберг, несомненно задумал какую-то провокацию. Он уже давно охотился за ним, Шелленбергом. В 1943 году Мюллер попытался даже состряпать дело по обвинению Шелленберга в шпионаже в пользу Англии. Тогда его спас Гиммлер. Но дело до сих пор хранится в архивах гестапо. Мюллер знал, что Шелленберг должен унаследовать ведомство Канариса — военную разведку. Такое расширение власти начальника VI управления его мало устраивало. Может быть, он рассчитывал, что Шелленберг откажется арестовать Канариса и тогда он «дополнит» дело Канариса делом Шелленберга? Или, может быть, Мюллер хочет взвалить всю ответственность за арест адмирала на Шелленберга, главного соперника Канариса, а затем объяснить Гиммлеру и Гитлеру, что Шелленберг-де действовал в интересах собственной карьеры?

Размышления Шелленберга были снова прерваны кваканьем «лягушки». Мюллер звонил вторично.

— Приказ об аресте, — угрожающе начал он, — надо выполнить немедленно. Я предупреждаю вас, Шелленберг, что

действую не как начальник четвертого управления, а как руководитель Особой комиссии 20 июля 1944 года[3]. Понятно?

Угроза была недвусмысленной: лицам, проявлявшим колебания при расследовании обстоятельств покушения 20 июля, фюрер не давал пощады. Шелленбергу пришлось подчиниться. Но одновременно он решил, насколько возможно, обезопасить себя от каких-либо контрмер Канариса: иными словами, провести операцию «самым деликатным образом» и даже постараться выдать себя за друга Канариса, которому против воли приходится выполнять неприятное поручение.

После вторичного разговора с начальником гестапо Шелленберг вызвал своего адъютанта, оберштурмфюрера СС барона Фелькерзама. В свое время он переманил барона у Канариса, и с тех пор тот оказал ему немало услуг в борьбе с начальником абвера. Оба эсэсовца сели в машину Шелленберга и направились в Шлахтензее, на виллу Канариса.

Дверь им открыл сам адмирал. Он был не один — у него находились его сотрудник барон Каульбарс и родственник Эрвин Дельбрюк. Канарис сразу понял, в чем дело. Он попросил гостей пройти в другую комнату.

— Я всегда предчувствовал, что это будете именно вы, — сказал он Шелленбергу.

Эту фразу можно было истолковать по-разному — и как намек на то, что Шелленберг всегда был его соперником, и как желание продемонстрировать дружеские чувства. Канарис остался верен себе — вложил двойной смысл в свои слова. Шелленберг, что явствует из его мемуаров, истолковал фразу Канариса как желание завязать с ним контакт и решил действовать в соответствии с этим. Он сообщил, что приказ об аресте шефа абвера исходит от Мюллера и Особой комиссии 20 июля 1944 года и был отдан после обыска в здании абвера и ареста преемника Канариса на посту начальника военной разведки полковника Ганзена (Канариса в феврале 1944 года сняли с должности начальника абвера и назначили руководителем управления экономической войны).

— Они нашли какие-нибудь компрометирующие документы у этого идиота Ганзена? — спросил Канарис.

— К сожалению, нашли, — сказал Шелленберг. — Блокнот Ганзена, где перечислялись люди, которых заговорщики хотели убрать после переворота. Но о вашем участии в событиях 20 июля никаких данных нет.

— Не могут эти дураки жить без блокнотов, — проворчал Канарис. — Вы должны обещать, — сказал он Шелленбергу, — что не позже, чем через три дня, устроите мне свидание с

Гиммлером. На остальных, особенно на Кальтенбруннера и Мюллера, мне рассчитывать нечего, это просто мясники, которые жаждут моей крови.

Шелленбергу ничего не стоило дать подобное обещание. Он все равно решил представить подробный отчет об обстоятельствах этого ареста рейхсфюреру СС и был уверен, что Гиммлер пожелает переговорить с Канарисом. А если при этом Канарис бросит тень на Кальтенбруннера и Мюллера, тем лучше для него, Шелленберга.

Грызня между главарями рейха в 1944 году, в канун катастрофы, достигла небывалых размеров. Один подсиживал другого. Что касается начальника абвера, то он располагал в этой сваре немалыми возможностями. У Канариса, что было отлично известно Шелленбергу, имелись досье на всех руководителей ведомства безопасности. Каким образом он использует эти досье, было отнюдь не ясно Шелленбергу.

Поэтому лучшим выходом было бы убрать Канариса без излишних проволочек, скажем «при попытке к бегству», но это слишком рискованно. При аресте присутствовало много свидетелей. Шелленберг решил испробовать другой путь.

— Господин адмирал, — обратился он к Канарису. — Если вы желаете оставить какие-либо распоряжения или написать письма, то я согласен подождать. Даю вам час времени. В этот час вам предоставляется полная свобода. Мюллеру я сообщу, что разрешил вам пойти в спальню, чтобы переодеться.

Трудно было выразиться яснее. Шелленберг дал Канарису возможность либо бежать, либо застрелиться. И Канарис хорошо понял Шелленберга. Но он, видимо, не собирался так легко уступать свои позиции. Напротив, поведение Шелленберга вдохнуло в него некоторую надежду. Ведь можно было предположить, что тот действовал не на свой собственный страх и риск. А уж если ведомство безопасности хотело избавиться от Канариса таким «легким» способом, значит, оно все еще боялось шефа абвера и во всяком случае не имело против него серьезных улик. Канарис решил, что его игра еще не проиграна и что есть какой-то шанс выпутаться из беды. Ведь Гейдрих до самой смерти так и не осмелился нанести решающий удар по шефу абвера, хотя страстно желал этого и имел в своем распоряжении более чем достаточно материалов. Не осмелился потому, что знал о досье, хранившихся в сейфе Канариса. О существовании знаменитых досье знал и Гиммлер.

— Нет, дорогой Шелленберг, — сказал Канарис, — я не намерен бежать. И не кончу жизнь самоубийством. Я еще поборюсь за себя. Главное, чтобы вы исполнили свое обещание —

устроили мне встречу с Гиммлером. — И как бы невзначай адмирал добавил: — Эти дьяволы сумели-таки втянуть и вас в это дело. Но берегитесь, они хотят вас скомпрометировать. Я знаю, они уже давно охотятся за вами. Об этом я тоже поговорю с Гиммлером.

В разговоре с Шелленбергом Канарис храбрился, но тяжелые предчувствия обуревали его.

Неужели все рухнуло? Неужели он навсегда лишился власти, которая казалась незыблемой? Неужели ему больше не помогут ни хитрость, ни изворотливость, ни умение играть на противоречиях соперников? Похоже на то, что все эти качества обратились в конечном итоге против него самого.

Таков, примерно, был ход мыслей Канариса…

Канарис и Шелленберг ехали в открытой машине. За рулем сидел сам бригаденфюрер СС, рядом с ним находился адмирал, а сзади поместился барон — не то старый приятель адмирала, не то вооруженный конвоир. Дорога пролегала по живописнейшим местам, вдоль берега реки Хафель, мимо озера Бретцзее, посреди густого бора у Альт-Людерсдорфа и Дрегена. Но Канарису было не до красот природы. Всю дорогу адмирал рассуждал о кознях своих врагов — он стремился запугать Шелленберга и заручиться его поддержкой в предстоящей борьбе с Кальтенбруннером и Мюллером. Это была, по сути дела, последняя отчаянная попытка шефа абвера сыграть на противоречиях в правящей верхушке фашистской Германии, на разладе в стане разбойников, на их примитивных представлениях о политике, последняя попытка использовать свои связи, знание обстановки — словом, все то, что много лет удерживало адмирала у власти и давало ему призрачное чувство автономности в централизованном государстве нацистов.

— Шелленберг, — говорил Канарис, — если вы меня послушаете, то будете вознаграждены. Я сумею обеспечить ваше будущее.

Так в поздний июльский вечер Канарис боролся за свою жизнь, стремясь пережить крушение фашистского режима, с которым он связал свою судьбу, но участь которого он ни в коем случае не хотел разделить.

В Фюрстенбюрге адмирала поместили в здании школы пограничной полиции и отдали на попечение генерала Трюмлера. Это походило скорее на домашний арест. Шелленберг попросил бутылку красного вина и остался наедине с адмиралом. Их беседа продолжалась до 11 часов вечера. Прощальные слова, которые произнес Канарис, были:

— Вы моя последняя надежда, до свидания, мой молодой

друг.

Но для Канариса уже не было никаких надежд. Его карьера кончилась. В своей долгой жизни он многих перехитрил, особенно за те десять лет, когда возглавлял разведку рейха. Теперь оказалось, что он перехитрил самого себя.

За некогда могущественным начальником абвера захлопнулась гестаповская ловушка.

*

Исчезновение Канариса в казематах гестапо, казнь по приказу Гитлера и Гиммлера дали основание его апологетам создать легенду о борьбе фашистского адмирала с гитлеровским режимом, о его непричастности к преступлениям нацистов в Германии и в оккупированной Европе.

В действительности жизнь Канариса — это цепь бесчисленных провокаций, убийств и грязных политических интриг. Это подготовка фашистской агрессии, диверсии и саботаж, подкуп, массовый террор в оккупированных странах.

Фигура Канариса — сложна, путь его извилист, ходы иногда загадочны и не всегда однозначны. Авторы стремились к тому, чтобы, не упрощая действительности, выделить главное в его тайной и темной деятельности, нарисовать правдивую картину его жизни, зловещих методов, преступной политической игры.

Путь в «лисью нору»

В третьей империи Гитлера, где все было построено на лжи, большой и малой, возник специальный жанр фальсифицированных биографий.

Одной из первых была «биография» Хорста Весселя. Отпетый проходимец, уголовник и сутенер, убитый в пьяной драке, был возведен официальной нацистской пропагандой в ранг мученика, героя, борца за новую Германию.

Позднее были сфабрикованы биографии самого Гитлера, Геббельса, Гесса, Геринга и других фашистских главарей. Эти лжебиографии не имели ничего общего с действительностью, они шиты белыми нитками, полны самой топорной лжи, самых явных небылиц…

Биография Вильгельма Канариса в том виде, в каком она кочует по страницам многочисленных книг, прославляющих главу немецкой военной разведки в годы фашизма, создавалась уже после крушения гитлеровского рейха. Поэтому нельзя сказать, что она целиком выдумана. Вместе с тем, когда читаешь некоторые жизнеописания Канариса, трудно отделаться от странного чувства: все время кажется, что тебя обманывают, и притом весьма ловко и хитро…

Вильгельм Канарис, по словам его апологетов, убежденный противник Гитлера. При этом они ссылаются на дневник, который регулярно вел глава абвера. Но зачем понадобилось профессиональному разведчику и шпиону изо дня в день заносить на бумагу мысли и деяния, которые могли привести его на виселицу?

Какая странная неосторожность!

Или вот еще одна, казалось бы «безобидная», неувязка! Согласно жизнеописаниям, Канарис был человеком на редкость бурной и героической биографии, этаким флибустьером XX века, сорвиголовой, бороздившим моря и океаны в поисках приключений и подвигов, и, что особенно подчеркивается, героем двух войн. Но попробуем заглянуть в послужной список адмирала и кое-что подсчитать. Оказывается, он лично участвовал всего лишь в одном морском сражении, в 1915 году. Вскоре после этого крейсер, на котором плавал Канарис, был потоплен, а его команда интернирована. Потом будущий адмирал краткое время служил на подводной лодке. Всего Канарис менее года воевал в надводном флоте и около шести месяцев — в подводном. Все остальное время он либо проходил обычный путь военно-морского офицера, либо сидел в штабах и канцеляриях. Таким

образом, совершенно очевидно, что боевые качества Канариса сильно преувеличены.

Следующая неувязка. Биографы Канариса утверждают, будто после окончания первой мировой войны он занимался исключительно своей профессией — военно-морским делом и был далек от всякой политики (к политической деятельности он якобы приобщился только в 1935 году, когда его назначили начальником абвера — военной разведки). Но вот удивительная история! С 1918 по 1933 год в Германии не произошло ни одного сколько-нибудь значительного выступления реакции, в котором так или иначе не был замешан будущий глава абвера.

Канарис был среди тех, кто участвовал в расстреле «спартаковцев» в Берлине, был тесно связан с реакционной военщиной, создавшей пресловутые «Консул» и «Оргеш» — организации, с помощью которых империалисты расправились с революционным движением 20-х годов в Германии. Именно эти организации ввели так называемую «феме» — тайную расправу с левыми элементами, методы террора, предвосхитившие кровавые деяния гитлеровцев. Канарис участвовал в капповском путче 1920 года, когда монархисты и помещики хотели свергнуть Веймарскую республику. И наконец, он стоял за кулисами зверской расправы над Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург.

В январе 1926 года в рейхстаге социал-демократ Мозес обвинил Канариса в грязных махинациях и в соучастии в подлом убийстве Либкнехта и Люксембург. Депутаты рейхстага встретили речь Мозеса бурным одобрением. В адрес «честного служаки» Канариса неслось: «Убийца!», «Палач!», «Реакционное отребье!»…

Вывод напрашивается сам собой: Канарис все эти годы находился в самой гуще политических интриг.

И наконец, еще одна неувязка… На Западе широко распространено мнение, что Канарис был казнен гитлеровцами за участие в заговоре 20 июля 1944 года, что он активно поддерживал заговорщиков, помогал им в составлении всех их программ, ежечасно рисковал головой, дабы планы покушения на Гитлера удались. Однако ни одной прямой улики против Канариса Гиммлер так и не сумел найти. И это несмотря на то, что все участники заговора оказались в руках гестапо. Более того, по свидетельству тех же биографов, гитлеровцы, казнившие начальника абвера, до самого конца не были уверены, действительно ли он оказывал содействие противникам Гитлера и вел подрывную деятельность против нацистского режима.

Итак, неувязка за неувязкой…

Какова же действительная биография Канариса? И наконец, кому и зачем понадобилось создание и распространение легенды

о нем?

Попробуем разобраться в этом.

Становление разведчика

Вильгельм Канарис родился в 1887 году в семье рурского промышленника. Канарис-отец был пайщиком и директором крупного металлургического завода.

В конце XIX века Германия находилась на подъеме: бурный рост производства — металлургии, угольной промышленности — выдвинул ее в ряды главных капиталистических держав. Германские хищники успешно конкурировали с английскими и французскими индустриальными магнатами и мечтали о заморских владениях. Родиться в конце века в семье процветающего немецкого промышленника было, как выражается главный биограф Канариса Абсхаген, все равно что «родиться с серебряной ложкой во рту». К услугам молодого Канариса была вилла, тенистый сад, собственные теннисные корты, экипаж, в котором мальчика возили в школу, а в пятнадцать лет и собственная лошадь — верх мечтаний для немецкого подростка из состоятельной семьи.

Одного только не могли предоставить любящие родители своему отпрыску — родовитых предков. Человек, не зараженный сословными предрассудками и не росший в кастово-сословном немецком государстве, не может без усмешки читать о том, с какой судорожной энергией, с какой настойчивостью родичи Канариса, а затем и сам адмирал пытались раздобыть себе генеалогическое древо. Погоня Канарисов за несуществовавшими знатными предками, за «голубой кровью» продолжалась десятки лет. Отец Канариса отправился в Афины специально затем, чтобы попытаться доказать, будто род немецких Канарисов ведет свое происхождение от грека Константина Канариса, который в 1822 году командовал греческим флотом, а потом стал у себя на родине видным политическим деятелем. Но, увы, семья дуйсбургских толстосумов не имела ничего общего с героем греко-турецкой войны. Предки немецких Канарисов были известны — они торговали, служили лесничими, владели фабриками, шахтами. О «голубой крови» говорить не приходилось. Тем не менее отец Канариса заказал в Афинах копию памятника Константину Канарису и привез ее к себе в Дуйсбург. Отныне на вилле Канарисов красовалась статуя прославленного грека. Авось гости поверят, что Канарисы не простые буржуа. Охотно поддерживая эту версию, Вильгельм Канарис много лет спустя, уже будучи шефом абвера, повесил у себя в доме портрет греческого национального героя.

В семье адмирала любили рассказывать, будто сам кайзер,

прочитав рапорт, в котором упоминался Вильгельм Канарис, написал на полях несколько слов примерно следующего содержания: «А не является ли он (т. е. Вильгельм Канарис) потомком героя греческой освободительной войны?» Немецкого кайзера давным-давно бесславно изгнали с политической арены, а Канарис все еще с благоговением вспоминал об ошибке августейшего монарха. Кто-кто, а шеф абвера знал, что дезинформация приносит свои плоды. Гизевиус — один из сотрудников абвера, хорошо знавший Канариса, — называет его в своей книге «До горького конца» «маленьким левантинцем», т. е. маленьким греком!

Но Канарис не довольствовался поисками «именитых предков» в Афинах. Он пошел дальше своего отца и решил всерьез потягаться с немецкой знатью, благо, связи и возможности у него были в годы гитлеризма почти неограниченные. В 1938 году (т. е. через три года после того, как Канарис стал начальником абвера) некий Петер фон Гебхард издает «научный» труд, в котором доказывает, будто семья Канарисов происходит от итальянского аристократического рода Канаризи, родоначальник которого, Гаспар Канаризи, жил в начале XVI века. «Беспристрастный исследователь» обнаружил у Гаспара Канаризи генеалогическое древо, восходящее к XIV веку, и… пристегнул его к «древу» немецких Канарисов.

После выхода в свет инспирированной Канарисом книги Петера фон Гебхарда (а то, что она была инспирирована, не отрицают даже самые восторженные поклонники фашистского адмирала) фантазия шефа абвера разгулялась вовсю. И вскоре он «нашел» общих родственников с… Наполеоном по материнской линии. Заключительное действие этой комедии разыгралось уже в 1942 году, когда всем более или менее сведущим людям, а следовательно, и Канарису стало ясно, что гитлеровцы проиграли войну. Однако даже это весьма серьезное обстоятельство не умерило его пыла в деле подыскания себе аристократических предков. В 1942 году Канарис получил ценный подарок от своего итальянского коллеги — руководителя так называемой СИМ (службы военной информации при итальянском верховном командовании) генерала Цезаря Амэ — роскошно изданный том, в котором излагалась история семьи Канарис-Канаризи. В книге были воспроизведены факсимиле различных Канаризи, а также многочисленные фотографии родовых замков, принадлежавших этому семейству. Теперь Канарис имел то, о чем мечтал, — полную биографию всех своих родовитых «предков»! Да притом еще официально засвидетельствованную генералом Амэ и его сотрудниками.

Конечно, «поиски предков» — это всего лишь одна, и далеко не самая примечательная, страница биографии руководителя военной разведки фашистского рейха. Канарис отнюдь не ограничивался погоней за призраками давно умерших Канаризи. Его зловещая деятельность достигла особого размаха в оккупированных странах Европы, где начальник абвера гонялся не за призраками, а за вполне реальными людьми — героями сопротивления, сажал их в тюрьмы и лагеря смерти, отправлял на плаху.

И все-таки этот, казалось бы второстепенный, штрих в биографии Канариса заслуживает внимания. И дело тут не только в том, что Канарис, повесивший в своем доме портрет мифического предка и с почтением рассказывавший об ошибке «самого» кайзера Вильгельма, предстает перед нами как мелкий и тщеславный человечишка.

Главное, пожалуй, в другом. На всех этапах своей карьеры Канарис пытался создать вокруг себя легенду, ввести в заблуждение, обмануть, одурачить. Эта черта немало затрудняет работу исследователя.

Но вернемся к биографии Канариса. Мы оставили его пятнадцатилетним юнцом, получившим в подарок от своих родителей верховую лошадь. Товарищи по гимназии дали Вильгельму прозвище «кикер». Слово это трудно перевести. Буквально оно означает: тот, который подсматривает. Трудно сказать, извлек ли кикер-Канарис уже в школе реальную пользу из этого своего «дара». Во всяком случае, будущий адмирал без особых лавров кончил гимназию. И тут, естественно, встал вопрос о его дальнейшей карьере.

Отец Канариса мечтал направить сына по своим стопам. Что касается самого Канариса, то его больше привлекала перспектива служить кайзеру в военном мундире. Вспомним слова Вильгельма Либкнехта о том, что «немецкая империя Гогенцоллернов родилась на полях сражений», являлась «детищем войны» и по своей природе «должна была поспешать от войны к войне».

Молодые буржуа типа Вильгельма Канариса вполне разделяли безудержное стремление правящих классов Германии к военным авантюрам. Будущее страны они видели в экспансионистских войнах, а свое собственное — в генеральском или адмиральском мундире. Для немецких обывателей казарма плюс офицерское казино испокон века казались раем на земле. Но вход в этот рай для отпрысков буржуазных семей был весьма затруднителен. Конечно, Канарис мог поступить в какой-нибудь «приличный» полк и с течением времени продвинуться по служебной лестнице. Но особо блистательной карьеры в кастовой

армии кайзера сын нетитулованного промышленника и скромного обер-лейтенанта резерва (чин отца Канариса) сделать не мог. Несколько иные нравы царили в те времена в германском флоте, который начал создаваться сравнительно поздно и еще не был сплошь «оккупирован» помещичьими и генеральскими сынками. Во флоте Вильгельму Канарису легче было продвинуться по службе. Правда, его отец мог бы счесть флотскую службу недостаточно доходной, но он умер в 1904 году, и у Канариса появилась возможность самому распорядиться своей судьбой. В 1905 году он поступил в кадетскую школу императорского флота в Киле. Даже самые восторженные биографы Канариса не осмеливаются утверждать, что будущий фашистский адмирал мечтал о морской службе и грезил о романтических встречах с дальними странами. Кикер-Канарис избрал себе профессию по холодному расчету. Флот рисовался ему всего лишь плацдармом для политической карьеры. Будущему адмиралу куда больше подошла бы ряса священника. И по складу характера и даже по внешним данным Канарис скорее подходил для иезуитской семинарии, нежели для кадетской школы. Он был мал ростом, тщедушен, панически боялся холода (даже жарким летом начальник абвера разгуливал в пальто). И характером он напоминал иезуитских патеров. По свидетельству однокашников, молодой Канарис «быстро слушает и медленно отвечает», чрезвычайно холоден, скрытен, умеет вызвать собеседника на откровенность. Словом, молодой Канарис прямо-таки «готов» для духовной карьеры. Не его вина, что германским империалистам в их борьбе за мировое господство нужны были в то время не столько дипломаты в рясе священника с елейной улыбкой на устах, сколько бравые морские капитаны и ловкие разведчики в штатском!

После двух лет обучения в кадетской школе Канарис был назначен на крейсер «Бремен», который числился стационарным судном в Южной Америке. Через год его произвели в лейтенанты и он стал адъютантом командира. И здесь впервые раскрылись истинные таланты будущего начальника абвера. Дело в том, что даже официально миссия «Бремена» сводилась к «защите интересов немецких компаний в латиноамериканских странах». При этом, разумеется, хороши были все методы, и прежде всего шантаж, интриги, подкуп и т. д. На этом поприще Канарис делает первые успешные шаги. Его биографы свидетельствуют, что именно на крейсере «Бремен» Канарис прошел школу «обхождения с людьми», школу «дипломатических и квазидипломатических переговоров». Насколько нам известно, никаких документов об участии Канариса в подобного рода

переговорах с латиноамериканскими представителями реакции не сохранилось. Но все же один факт, свидетельствующий об успехах Канариса в тот период, до нас дошел: он был награжден боливийским орденом!

Скромный лейтенант на большом военном судне — и вдруг орден иностранной державы! Это была подлинная сенсация для всей команды «Бремена». Но почему «посчастливилось» именно этому молчаливому офицеру, осталось неизвестным.

Любопытно мнение офицеров кайзеровского флота о военных качествах Канариса. Многие из них публично утверждали, что он даже на ранних этапах своей карьеры был не столько морским офицером, сколько офицером «политическим».

После недолгого пребывания на родине Канарис вновь отправляется в заграничное плавание. На сей раз на борту крейсера «Дрезден», который «защищал интересы» германских экспансионистов на Балканском полуострове, где в 1912 году шла война Сербии и других государств с Турцией. Молодой Канарис бродил по Истамбулу (Константинополю), кишевшему международными шпионами, и набирался ума-разума. Затем «Дрезден» отправился к берегам Латинской Америки. И вскоре командир этого германского разведывательного судна смог по достоинству оценить способности своего подчиненного.

Молодой обер-лейтенант (к тому времени Канариса уже повысили в чине) занимается чем угодно, только не морской службой: он контрабандой вывозит из Мексики американских колонизаторов, а впоследствии и свергнутого мексиканского президента. В 1914 году «Дрезден», достаточно скомпрометировавший себя в Латинской Америке, должен был отправиться на родину. Но тут вспыхнула мировая война. «Дрездену» пришлось в океане примкнуть к эскадре адмирала Шпее.

Вместе с эскадрой «Дрезден» участвовал в битве при Коронеле, окончившейся победой немецких кораблей над британскими. Но этот успех оказался лишь эпизодическим, что было ясно и самому Канарису, который в письмах к матери весьма трезво расценил возможности кайзеровского флота. Очень скоро эскадра графа Шпее была настигнута противником и потоплена. Только «Дрездену», благодаря его относительной быстроходности, удалось спастись. Некоторое время крейсер скрывался у берегов Огненной Земли. Однако в марте 1915 года в чилийских водах, куда «Дрезден» явился, чтобы пополнить запасы угля, его настиг британский крейсер «Глазго», более совершенное и мощное военное судно. Как и следовало ожидать, парламентером к англичанам направили Вильгельма Канариса.

На сей раз, однако, иезуиту во флотском мундире не удалось «обыграть» своего партнера по переговорам. Напрасно Канарис, привыкший вести квазидипломатические беседы под защитой немецких пушек, направленных на мирные гавани, взывал к международному праву: дескать, «Дрезден» находится в нейтральных водах и потому не может быть обстрелян вражеским судном. Британский командир отвечал формулой, которую много лет спустя взяли на вооружение гитлеровцы: «Сила выше права». Протесты Канариса он парировал без труда: «У меня приказ уничтожить «Дрезден», где бы я его ни встретил. Все остальное британские дипломаты сумеют уладить с чилийскими дипломатами».

В результате «Дрезден» был потоплен, а его команда взята в плен и интернирована на маленьком островке в Тихом океане. Командир «Дрездена» решил тайком отправить на родину гонца, чтобы оправдаться перед своим начальством. Это ответственное и деликатное поручение было опять-таки возложено на Канариса. И тот оказался вполне подготовленным к своей миссии. За годы «дипломатической» деятельности в Латинской Америке он овладел испанским языком, завязал множество связей с тайными немецкими агентами, наладил контакты со многими местными дельцами и политиками, ориентировавшимися на кайзеровскую Германию, проявил недюжинные способности и вкус ко всякого рода перевоплощениям. Побег Канариса вполне удался. Рождество 1915 года он встретил в семье немецкого агента в Аргентине, который снабдил беглеца документами на имя чилийца Реда Розаса — молодого вдовца, якобы едущего в Голландию для получения наследства от английских родственников. С фальшивым паспортом в кармане Канарис сел на судно, направлявшееся в Европу. Время было военное, и пассажиры с недоверием поглядывали друг на друга, только маленький чилиец не вызвал ни у кого подозрений. Когда судно подошло к Плимуту, английские власти подвергли тщательной проверке всех его пассажиров и, между прочим, попросили Реда Розаса понаблюдать за одним из его соотечественников. Видимо, и англичане сразу распознали в молодом пассажире прирожденного «кикера». Из Голландии немецкий обер-лейтенант с чилийским паспортом без особого труда перебрался в Германию.

Казалось бы, офицера, уже получившего боевое крещение, следовало сразу отправить на новое военное судно или хотя бы в морское училище для обучения молодого пополнения. Но Канариса решили использовать по его основному «профилю», в качестве разведчика. В 1916 году он был заслан в Испанию с тем

же паспортом на имя чилийца Розаса. Непосредственным начальником Канариса стал военно-морской атташе германского посольства в Мадриде. В задачу руководимых им немецких тайных агентов входило: наблюдение за Гибралтаром — главной военной базой Великобритании в Средиземном море, сбор информации о военно-морских силах Антанты, а также помощь немецким подводным лодкам в Средиземноморском бассейне. Канарису надлежало создать агентурную сеть в испанских портах для бесперебойного снабжения немецких подводных лодок углем и провиантом.

В годы первой мировой войны Мадрид являлся центром международного шпионажа. Воюющие страны засылали туда своих наиболее опытных и матерых разведчиков. Как показали дальнейшие события, в этой сложной обстановке Канарис, всего лишь разведчик-дилетант, не мог успешно конкурировать с мастерами шпионского дела.

После года пребывания в Испании Канариса решили переправить в Германию. Он стал слишком заметной фигурой в Мадриде и лишь затруднял работу профессиональных агентов. Решение оказалось своевременным: за Канарисом уже вели наблюдение вражеские разведчики.

Как только он покинул Пиренейский полуостров, это выяснилось с полной очевидностью. Английская разведка сумела установить дату его выезда и путь следования. И хотя Канарис направился в Германию не один, а в сопровождении более опытного агента, выдававшего себя за испанского священника, его поймали в пути и заточили в итальянскую тюрьму. Будущему адмиралу грозила виселица. Лишь в самый последний момент германской разведке удалось вызволить своего агента, негласно договорившись с итальянскими властями. Правда, Канарису не позволили продолжить путь в Швейцарию. Из Генуи его отправили обратно в Испанию, с заходом в Марсель. По-видимому, итальянские власти рассчитывали, что немецкий шпион все равно не избегнет веревки: в Марселе Канариса должны были арестовать заранее оповещенные французские контрразведчики. Но капитан испанского «нейтрального» судна, на которое препроводили Канариса и злополучного испанского патера, вошел в испанский порт, миновав Марсель. Только «чудо», точнее, международные связи немецкой разведки спасли Вильгельма Канариса.

Несколько оправившись от страха и отдохнув в доме немецкого морского атташе в Испании, Канарис решил вновь попытаться достигнуть Германии. На этот раз на немецкой подводной лодке. Но и это предприятие оказалось не из легких.

Дважды англо-французские контрразведчики помешали Канарису выйти в море, где его поджидала посланная германским военно-морским министерством подводная лодка. И только третья попытка увенчалась успехом.

Таким образом, шпионская карьера будущего адмирала в годы первой мировой войны складывалась довольно-таки плачевно.

Однако и мадридский этап в жизни Канариса, и его «военно-дипломатическая» деятельность накануне первой мировой войны не прошли для него бесследно. В Латинской Америке, а затем в Мадриде произошло становление Канариса-разведчика. И дело не только в том, что в Испании он впервые стал непосредственным участником тайной войны империалистических держав. И не в том, что он прошел школу профессионального шпионажа, познакомившись с нравами, приемами и методами разведывательной работы. Главное, что уже на ранних этапах своей карьеры Канарис сумел увидеть слабые стороны в организации империалистической разведки и по-своему стремился учесть их в дальнейшем. Конечно, нельзя утверждать, что сравнительно молодой офицер кайзеровского флота уже в 1916 году представлял себе, каким образом он построит пресловутый абвер — военную разведку нацистской Германии. Однако опыт, приобретенный в Латинской Америке и особенно в Испании, наложил заметный отпечаток на последующую деятельность адмирала-разведчика.

Ценой своего провала в Мадриде Канарис усвоил некоторые истины, которых упорно придерживался впоследствии.

Прежде всего, он понял, что на «идейность» и патриотизм разведчиков-профессионалов, с которыми он встречался, полагаться не приходится.

На его глазах «джентльмены фортуны» торговали тайнами многих держав. В годы первой мировой войны многие шпионы являлись «двойными» или даже «тройными» агентами — иными словами, служили сразу нескольким разведкам. Их «преданность» тому или иному флагу определялась одним — суммой, какую они получали от своих «работодателей». Из этого обстоятельства Канарис сумел извлечь свои выводы: в абвере господствовала строжайшая система взаимной слежки. Агенты абвера были связаны по рукам и ногам, поставлены в условия, почти лишавшие их возможности торговать военными секретами. Каждый из сотрудников Канариса выполнял строго определенные функции, знал ровно столько, сколько положено было по службе, подчинялся железной дисциплине, имел дело с ограниченным кругом лиц.

Уже на первом этапе своей карьеры будущий адмирал пришел к заключению, что разведка должна опираться не на «таланты» отдельных шпионов, а на хорошо продуманную систему.

Наконец, в Мадриде Канарис завязал связи с испанской реакцией — с теми, кто позднее, в годы гражданской войны в Испании, залил страну кровью испанского народа. Эти связи как нельзя лучше пригодились шефу абвера. В 1935—1942 годах он непрерывно курсировал между Берлином и Мадридом. В годы второй мировой войны гитлеровцы, как известно, поддерживали самую тесную дружбу с франкистской Испанией. Еще более тесной была связь немецкой и испанской разведок. Канарису удалось организовать и в Испании и в ряде стран Латинской Америки опорные шпионские базы, которые продолжали действовать и после разгрома гитлеровской Германии. И первые шаги в этом направлении были сделаны еще на пороге разведывательной деятельности будущего адмирала…

Конец первой мировой войны Канарис встретил командиром подводной лодки. Правда, в подводной войне он участвовал недолго. После Мадрида Канарис около двух лет провел в различных военно-морских школах — сперва обучался сам, потом обучал других. Только весной 1918 года его отправили в действующий флот, а в середине октября подводный корабль, на котором он служил, без сколько-нибудь заметного успеха бороздивший воды Адриатики, взял курс на немецкие берега.

Кайзеровская Германия проиграла войну, и немецкое офицерье, на время отказавшееся от планов мирового владычества, поспешно возвращалось на родину, дабы навести «порядок в собственном доме». 8 ноября 1918 года лодка Канариса под кайзеровским флагом стала на якорь в Киле…

Но здесь уже начинается новый этап карьеры Вильгельма Канариса. Если первый ее этап можно условно назвать «Становление разведчика», то второй мы назовем…

Поиски хозяина

В начале XX века, когда формировались политические взгляды будущего адмирала-шпиона, в Германии происходил процесс дальнейшего размежевания классовых сил. Различные слои немецкого общества занимали рубежи для будущих социальных битв.

Что касается семьи Канарисов, то ее умение извлекать выгоды из бурного развития промышленности сочеталось с ярко выраженными монархическими настроениями. В этой семье культивировалась ненависть ко всему прогрессивному, революционному, презрение к «черни» — трудящимся.

Отец Канариса, в отличие от некоторых своих собратьев по классу, заигрывавших с рабочими, был ярым противником профсоюзов и других организаций трудящихся. В среде немецких буржуа Канарисы занимали место наиболее «твердолобых» и непримиримых.

Все это, естественно, обусловило духовный облик и политическое лицо Канариса-младшего. Он всегда находился на крайне правом фланге, в стане самой черной реакции…

Итак, 1918 год. Подводная лодка под командованием Вильгельма Канариса входит в Киль, и тридцатидвухлетний офицер-монархист вступает на немецкую землю… То было сложное время… Германия проиграла войну. Империя Гогенцоллернов, еще так недавно казавшаяся ее приверженцам незыблемой, рухнула. Буржуазное общество, по словам Розы Люксембург, вышло из войны «пристыженным, обесчещенным, по колена в крови, запачканное грязью…» Оно показало «свое подлинное лицо не в скромном и привлекательном виде культурности, философии, этики, мира и государственного права, но в образе хищного животного, в шабаше анархии, в гибели культуры и человечества». В Европе нарастает стихийное возмущение масс. Крупнейший буржуазный политик — Ллойд-Джордж был вынужден признать, что «Европа пропитана революционными мыслями. В груди рабочего класса живет глубокое чувство не недовольства, а гнева и возмущения, направленного против довоенного уклада жизни. Население всей Европы с недоверием взирает на все политические, социальные и экономические установления…»

А на Востоке в это время встала заря новой жизни, заря социализма. Трудящиеся России строили молодую Советскую республику, воздвигали маяк, который с тех пор светит всему человечеству…

Волны революционного подъема захлестывали Германию. В германских войсках распространялись прямые призывы к восстанию. Организовывались первые солдатские советы. Под давлением народа контрреволюция была вынуждена выпустить из тюрьмы вождей германского рабочего класса Карла Либкнехта и Розу Люксембург. По выражению Ленина, в 1918 году революция в Германии назревала «не по дням, а по часам». И первый ее сигнал раздался в Киле, где восстали матросы немецкого флота. В последних числах октября 1918 года военные моряки отказались выйти в море. Попытка подавить восстание окончилась неудачей, и оно распространилось на суда, находившиеся в других портах. 4 ноября весь германский флот присоединился к восставшим.

Вильгельм Канарис с ужасом увидел красные флаги на немецких военных судах. К восставшим примкнули команды и тех подводных лодок, которые только что пришли в Кильский военный порт. На следующий день после того, как Канарис высадился на берег, его «обожаемый монарх» Вильгельм II удрал в Голландию.

Но это обстоятельство, столь потрясшее сердца многих кадровых офицеров «кайзеровской» армии и «кайзеровского» флота, не обескуражило Канариса. Пока иные его коллеги проливали слезы над поверженным кумиром и размышляли, должны ли они хранить верность императору и своей присяге, Канарис начал действовать. Присяга, верность, честь — эти категории уже давно были для будущего начальника абвера пустыми словами, ненужной мишурой. У Канариса было только одно «высшее соображение» — его классовый инстинкт. В каждой ситуации, возникавшей в его жизни, он становился на сторону сил регресса, антидемократии, реакции. В стане реакции он делал себе карьеру, осуществляя свои честолюбивые замыслы, упорно продвигаясь к намеченной цели. Но ему было безразлично, под каким знаменем в данный момент выступает реакция. С 1918 по 1933 год, когда к власти пришел Гитлер, Канарис неоднократно менял хозяев. Он был хамелеоном по натуре. И в 1918 году, в разгар революционных событий в Германии, это качество плюс классовое чутье пригодились ему как нельзя лучше.

В то время как значительная часть кадровых офицеров спешно спарывала погоны и направлялась кто куда — кто за границу, дабы стать ландскнехтами, сколачивающими и обучающими чужеземные армии, кто в немецкую промышленность, дабы делать там свой бизнес, — Канарис, не колеблясь ни секунды, начал искать контакты с «силами порядка» — т. е. с теми реакционными силами, которые имели максимум шансов захватить власть и подавить революционное

движение масс. Взоры Канариса и его политических собратьев обратились к наиболее реакционному крылу германских правых социал-демократов. Офицерам нужен был временный хозяин, правым «соци» — регулярные войска для кровавой расправы с революцией. Канарис и его единомышленники заключили союз с тем самым Носке, который сказал о себе, что он «пробежит кровавой собакой через германскую революцию». Уже в дни кильских событий Носке стал фактическим губернатором Киля и открыто заключил альянс с реакционным офицерством против восставших моряков.

Но революция, начавшаяся в Киле, бушевала уже во всей Германии. В Берлине были созданы рабочие и солдатские советы. В столице назревало восстание.

Из Киля Канарис в начале января 1919 года переехал в Берлин. Здесь в подмогу Носке сколачивались контрреволюционные войска, которые должны были подавить революцию. Носке тщательно готовил удар. Генерал Меркер, один из «героев» контрреволюции, в своих воспоминаниях рассказал, что уже 4 января, накануне кровавых событий в Берлине, главари правых социал-демократов посетили цоссенский лагерь монархистов, в котором формировались контрреволюционные войска. «Они (т. е. правые социалисты), — пишет Меркер, — были радостно удивлены, увидя перед собою настоящих солдат. Когда они увидели, как со всех сторон подходят войска с громкими песнями, с твердой молодцеватой выправкой, Носке нагнулся к Эберту, похлопал его по плечу и сказал: «Будь спокоен, все будет опять хорошо»».

Еще в ноябре социал-демократическое правительство призвало под команду Носке всех находившихся в Берлине офицеров и приступило к организации из них «добровольческих батальонов» — так называемых «фрейкоров». 13 января контрреволюционные войска, стянутые в столицу со всей Германии, вышли на берлинские улицы. Началась кровавая расправа с восставшим народом.

Однако реакция понимала, что борьба с революцией в Германии на этом отнюдь не закончена. Она стремилась создать ударный кулак, который мог бы опуститься на голову масс в любой момент и в любом месте…

Морской офицер Канарис переехал в отель «Эден», где в середине января была расквартирована гвардейская кавалерийская стрелковая дивизия (ГКД) — отборные головорезы, обученные и натасканные еще самим кайзером. Начальником штаба ГКД был капитан Пабст — одна из самых мрачных фигур в истории догитлеровской Германии, организатор капповского

путча, фактический убийца Карла Либкнехта и Розы Люксембург, а впоследствии фюрер фашистских отрядов в Австрии. Канарис стал главным помощником Пабста и одновременно связным между монархистами из отеля «Эден» и штабом Носке.

Отель «Эден» представлял собой в январе — феврале 1919 года своего рода Ноев ковчег контрреволюции. Там обосновались представители самой оголтелой реакции — от бывшего кайзеровского канцлера князя Бюлова до уголовников и наемных убийц. Монархисты, ренегаты, темные авантюристы и аристократы, дрожавшие за свои гигантские поместья, профессиональные убийцы и тюремщики, известные своей жестокостью, — вся эта муть, вся пена, поднятая со дна революцией, околачивалась в коридорах отеля, мечтала о «лучших временах», угрожала, требовала крови.

Уже в 1919 году империалистическая буржуазия Германии проделала тот же маневр, какой она применила и в 1933 году, — мобилизовала подонки общества для борьбы с немецким народом. Разумеется, истинные хозяева Германии — пушечные, угольные, металлургические короли не ходили в отель «Эден». Но именно они стояли за кулисами событий, субсидировали привольное житье в отеле «Эден» и контрреволюционные дела его обитателей. Правда, об СС и СА речи тогда еще не было. Но весьма характерно, что многие из тех, кто дневали и ночевали в берлинском отеле «Эден», в 30-х годах примкнули к нацистскому движению и оказали немало услуг Гитлеру. В «Эдене» Канарис прошел свою главную политическую школу.

В январе — феврале 1919 года он считался, по свидетельству очевидцев, прямо-таки незаменимым в стане реакции. Разношерстный сброд, призванный под знамена контрреволюции, нужно было держать в руках. И здесь как нельзя лучше пригодились хамелеонская сущность Канариса и его квазидипломатические таланты. «С каждым, — пишет один из его тогдашних коллег, морской офицер, — Канарис умел найти, общий язык, и с представителем немецкой национальной партии (крайне правая монархическая партия), который только что вышел через одну дверь, и с «независимым», который в ту же секунду вошел в другую дверь».

Канарис развил в эти месяцы поистине лихорадочную деятельность: он участвовал во многих акциях по подавлению революции в Берлине и выступал как разъездной эмиссар реакции, сколачивая отряды «фрейкоров» на юге Германии, организуя контрреволюционных добровольцев в Веймаре. В феврале 1919 года его прикомандировали к штабу так называемой морской бригады Левенфельда, который опять-таки

находился в отеле «Эден». (Кстати сказать, в этой бригаде роль моряков зачастую исполняли сухопутные авантюристы и проходимцы, на время облаченные в морскую форму.)

В книгах о Канарисе, вышедших на Западе, обычно скороговоркой рассказывается об этом этапе его жизни. Уж очень неприглядную роль сыграл он в Берлине в дни революции. Да и сам Канарис в те дни не стремился выдвинуться на авансцену. На авансцене в период 1919—1920 годов действовали следующие лица:

капитан Эрхард — начальник штаба морской бригады. Эрхард организовывал «фрейкоры», он же был одной из центральных фигур в капповском путче;

полковник Рейнхард — непосредственно руководил расправой с революционными трудящимися Берлина; именно он расстреливал «спартаковцев» и велел выкатить пушки на берлинские улицы;

капитан Пабст — начальник штаба кавалерийской дивизии, куда полиция отправила Карла Либкнехта и Розу Люксембург и где их зверски убили.

Ну, а Канарис? Какова была его роль в стане реакции?

По возможности оставаясь в тени, он был видной персоной в кругах реакционной камарильи Германии того времени. Канарис был негласным помощником и советчиком всех перечисленных выше персонажей: и капитана Эрхарда, и полковника Рейнхарда, и капитана Пабста. И как ни пытался это скрыть впоследствии начальник абвера, его изобличают многие факты, десятки свидетельских показаний. Более того, для людей, живших в те годы в Германии, роль Канариса в кровавых событиях 1918—1919 и 1920 годов была совершенно ясна. Недаром в 1926 и в 1930 годах разыгрался скандал, после которого Канарису пришлось отойти на время от политической деятельности. Его «инкогнито» было раскрыто, он попал под обстрел общественности. И не приди в 1933 году к власти гитлеровцы, Канарис закончил бы свою жизнь в безвестности — слишком он был замаран.

Но об этом после. А сейчас мы подошли к одному из самых мрачных, грязных и кровавых эпизодов в темной жизни Канариса — к его участию в зверском убийстве вождей германской революции Либкнехта и Люксембург, которое произошло 15 января 1919 года в Берлине.

Известно, что следствие и суд над убийцами Карла Либкнехта и Розы Люксембург были фальсифицированы. Известно, что, как только всплывал вопрос о *фактических* виновниках расправы с вождями германского народа, его всеми силами старались снова предать забвению. На протяжении десятилетий тайна главных

убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург хранилась как ни одна другая. Никто из основных соучастников этого преступления ни разу *не проговорился*, ни разу не обличил своих сообщников. Но многие факты все же стали достоянием гласности. Они обличают также и Вильгельма Канариса.

1. Совершенно точно установлено, что непосредственным организатором убийства являлся штаб кавалерийской дивизии, размещенный в отеле «Эден». Именно в этом штабе начал разрабатываться задолго до 15 января конкретный план убийства вождей германской революции (убийцы-исполнители подбирались уже в последний момент). Ясно, что Канарис, являвшийся одним из самых доверенных людей Пабста и посвященный во все планы его штаба, не мог не знать о готовящемся преступлении.

2. 15 января, в день убийства, Канариса не оказалось в Берлине. Он сразу же представил алиби — как раз в эти дни состоялась его помолвка в Пфорцхейме (Южная Германия). Но уже само это алиби наводит на размышления. Странно, что столь холодный и неэмоциональный человек, как Канарис, в разгар больших событий (в начале января шли беспрерывные бои между силами реакции и революции) бросил все и помчался в Пфорцхейм, чтобы предложить руку и сердце женщине, с которой познакомился еще в 1917 году и с тех пор, по-видимому, ни разу не встречался. При этом Канарис сразу же раструбил повсюду о своей помолвке, усиленно подчеркивая, что в день кровавой трагедии его не было в Берлине.

3. Любое мало-мальски беспристрастное следствие без труда установило бы, что за шайкой головорезов, которая со зверской жестокостью расправилась с двумя безоружными людьми, стояла организация, что расправа над Либкнехтом и Люксембург была заранее продумана, спланирована и организована. Наемные убийцы при нормальном следствии и судопроизводстве не стали бы молчать. Поэтому судить наемных убийц было поручено главным организаторам расправы, тем, кто направлял преступную руку. Иначе реакция не смогла бы затушить скандал, замести следы широкого контрреволюционного заговора, жертвой которого пали Либкнехт и Люксембург. Самим процессом надо было дирижировать буквально все время: затыкать рот свидетелям, ободрять обвиняемых, прерывать их, когда они хотели сказать лишнее, следить за протоколом и т. д.

Дело убийц Карла Либкнехта и Розы Люксембург рассматривал военный трибунал, состоявший из самых реакционных офицеров штаба гвардейской кавалерийской дивизии, т. е. из тех, кто стоял за кулисами убийства. И уж

конечно не случайно капитан-лейтенант Канарис был избран «советом доверенных лиц» кавалерийской дивизии в качестве одного из членов трибунала.

4. Как выяснилось уже в дни процесса, именно Канарис регулярно навещал подсудимых в тюрьме, инструктировал их, подсказывал ответы, ободрял, обещая вызволить из беды. Одним словом, выполнял ставшую уже привычной функцию связного — служил посредником между главными и второстепенными персонажами. (Кстати сказать, Канарис не подвел своих «подзащитных»: непосредственные убийцы вождей революции были приговорены к смехотворным наказаниям — от 6 месяцев до 4 лет тюрьмы, да и то не за зверское убийство, а за служебные провинности — самовольный уход с поста и т. д.)

5. Уже за пять дней до процесса одному из убийц, лейтенанту Фогелю (он был один из немногих подсудимых, которые не являлись слепыми исполнителями, а принимали участие и в разработке плана убийства), был вручен заграничный паспорт на имя Курта Вельсена, но с фотокарточкой самого Фогеля. Впоследствии было установлено, что этот паспорт за № 2575 был выдан при содействии начальника штаба ГКД Пабста. Фогель, по официальной версии, бежал, а фактически был выпущен из тюрьмы и спокойно скрылся за границу. С «побегом» Фогеля Канарис несколько перестарался, и военные власти вынуждены были подвергнуть его аресту, который оказался очередной комедией. Военный суд по личному поручительству командира морской бригады Левенфельда, той самой бригады, которая «поставила» убийц в «помощь» штабу ГКД, немедленно освободил Канариса из тюрьмы. Правда, на время следствия его обязали находиться на территории бригады, размещенной в то время в королевском дворце в Берлине. В период его домашнего ареста (он продолжался всего несколько дней) Канарис, по свидетельству очевидцев, пребывал в безмятежном настроении. Дворец стал для Канариса, как говорили его друзья, «веселой тюрьмой». Да это и немудрено! Канарис знал, что сообщники не оставят его в беде. Он прибег к уже испытанному средству: заявил, что в день бегства Фогеля его не было в Берлине. Как будто бегство Фогеля подготовлялось всего один день! Очередное алиби Канариса не могло убедить никого, кроме его друзей из военного трибунала, знавших всю подноготную дела.

6. Позже, в 1931 году, было установлено, что член военного суда Канарис контрабандой передал деньги, необходимые для побега, одному из главных обвиняемых, Пфлуг-Гартунгу, и его двум товарищам прямо в тюрьму. Канарис так и не смог опровергнуть это обвинение. Он лишь утверждал, будто деньги

были переданы не для побега, а для «возмещения стоимости защиты» и для передачи «близким родственникам обвиняемых», которые-де из боязни «гнева коммунистов на время должны были исчезнуть из Берлина».

Одним словом, в зверском и подлом убийстве Карла Либкнехта и Розы Люксембург Канарис сыграл немаловажную роль. Именно он был одним из тех, кто подстрекал к кровавой расправе над вождями германского народа, а потом выгораживал убийц и заметал следы преступления. На всех этапах подготовки и исполнения этого страшного злодеяния, в организации комедии суда и побегов убийц мы без труда различаем «почерк» Канариса.

Летом 1919 года Канарис стал адъютантом военного министра Носке. На первый взгляд этот переход от полулегальной деятельности в штабах черносотенных соединений к работе в республиканском военном министерстве кажется странным. Ведь в 1919 году монархисты отнюдь не распростились со своей мечтой не только задушить революционное движение в стране, но и снова захватить власть. Однако Канарис оказался дальновиднее своих коллег. Он понимал, что сила была не на стороне тайных союзов реакции. Прошли долгие годы, прежде чем в Германии вызрел фашизм. А Канарис не намеревался уходить в отставку, хотя бы временно. С присущей ему кипучей энергией он начал служить Веймарской республике, — благо, штатский Носке опирался на самую махровую военщину. Канарис отлично ладил со своим начальством — демагогия Носке, его фарисейские речи о «благе народа» нисколько не смущали будущего шефа абвера. Биографы двуликого адмирала сообщают, что Канарис и Носке были в «самых наилучших отношениях», разъезжали в одном салон-вагоне, беседовали по многу часов в служебное и во внеслужебное время.

Однако Канарис изменил бы своей природе, если бы поставил карту только на «соци». Работая с Носке, будущий адмирал поддерживал тесные связи с прежними друзьями, занятыми в ту пору созданием террористических полулегальных организаций. В частности, он встречался с неким Эшерихом, который основал в Баварии союз «Оргеш» — предтечу фашистских банд.

В 1920 году Канарис принял участие в капповском путче. А когда эта авантюра реакционной военщины провалилась, снова возвратился в военное министерство. При этом Канарис побил все рекорды: на 48 часов предал правительство, забыв о воинской присяге, а через двое суток как ни в чем не бывало явился с повинной. На несколько дней правительство посадило его в тюрьму, но затем помирилось с «нужным человеком».

Наступило время, когда германский империализм начал

исподволь готовиться к новой агрессивной войне. Канарис был одним из тех, кто в нарушение Версальского договора в обстановке глубокой секретности работал над восстановлением и модернизацией германского военного флота, подготовлял его к новым разбойничьим походам.

В эти годы Канарис, как всегда, жил двойной жизнью. Согласно его послужному списку, он тянул лямку кадрового офицера, плавал, что называется, на «старых калошах» или корпел над бумажками в штабах. …Крейсер «Берлин», штаб начальника управления в военном министерстве, крейсер «Силезия», штаб эскадры в Северном море, снова крейсер «Силезия» — таковы служебные перемещения Канариса в годы Веймарской республики. Но этот послужной список далеко не исчерпывал всех видов деятельности Канариса…

Согласно условиям Версальского мира, Германия не имела права строить военные корабли выше определенного тоннажа, равно как и подводные лодки.

До 1923 года в Германии действовала созданная союзниками «комиссия морского контроля», задача которой заключалась в том, чтобы следить за выполнением условий Версальского договора. Однако немецкие милитаристы умело обходили эти препоны. Заказы на строительство подводных лодок размещались на военных верфях Голландии, Испании, Японии. И Канарис оказался здесь поистине незаменимым.

Проходя службу на крейсере «Берлин», в мае 1924 года он совершил поездку в Токио. Там на верфях Кавасаки закладывались корабли германского подводного флота. Позднее, будучи референтом военного министерства, Канарис несколько раз посещал Испанию, где также строились суда для германского военного флота.

Сохранилось письмо руководителя военно-морского отдела Ломана директору Германского заморского банка (разумеется, «совершенно секретное»), написанное в октябре 1926 года, с просьбой «финансировать поездки капитана Канариса в Испанию», поскольку в этих поездках прямо заинтересован как самый банк, так и влиятельные его клиенты. Главным предметом переговоров Канариса в Испании было налаживание сотрудничества между немецкими и испанскими фирмами для строительства подводных лодок. Особо тесные связи Канарис поддерживал с испанским промышленником Эчевариета, которому испанский диктатор Примо де Ривера по ходатайству Канариса поручил построить в Кадиксе (в основном на немецкие деньги) завод по производству торпед. В начале 1928 года во время очередной поездки Канариса в Испанию на верфях

Эчевариета было налажено строительство новых типов подводных лодок. Наконец, большую роль Канарис играл и в организации производства военных самолетов на территории Испании. Он помог немецкой «Люфтганзе» установить контакты с испанскими авиационными компаниями.

При всем том Канарис, конечно, не забывал и разведывательных задач, укрепляя связи между испанской разведкой и немецким абвером.

В 1926 году в прессе, как уже говорилось выше, против Канариса были выдвинуты серьезные обвинения. Даже весьма умеренные круги немецкого общества были шокированы тем, что отъявленный реакционер, интриган и монархист подвизается в военном министерстве республики. На время Канариса пришлось убрать из Берлина. Ему предоставили отпуск и отправили на шесть недель в «морское путешествие» в Аргентину. Во время этого вояжа Канарис возобновлял свои связи в Южной Америке. Путь в военное министерство для него был закрыт, и в конце 1928 года будущего начальника абвера отправили в Вильгельмсгафен, на линейный крейсер «Силезия». Но и там Канарис продолжал заниматься «большой политикой» — секретные переговоры немецкой военщины с испанской реакцией проходили не без участия Канариса: из Вильгельмсгафена в Берлин, а оттуда в Мадрид летели шифровки, отправлялись специальные курьеры.

Однако вскоре стало ясно, что у Канариса в Веймарской республике нет особых перспектив на дальнейшее продвижение. Вооружение вермахта переходило в руки самих германских промышленников, а им не нужны были посредники типа Канариса. С конца 20-х годов подводные лодки начали строиться в самой Германии. Как явствует из документов, представленных на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников, с 1926 года в Германии уже началось серийное производство танков, возобновилась научно-исследовательская и экспериментальная работа над усовершенствованием орудий и брони для военных кораблей. Одним словом, та специфическая деятельность по перевооружению Германии, построенная главным образом на связях с определенными кругами за границей, какой занимался Канарис, теряла свое значение. Это обстоятельство, а также тот факт, что Канарис стал одиозной фигурой в Германии, предопределило весьма быстрый закат его карьеры. Несмотря на все старания, Канарису так и не удалось перебраться с крейсера «Силезия» в Берлин. Правда, в 1930 году его перевели на работу в штаб, но то был всего лишь штаб эскадры в том же Вильгельмсгафене. Крейсер «Силезия», штаб эскадры, в 1932 году снова крейсер «Силезия»… В последние годы

Веймарской республики Канарис «мелко плавал». Правда, он дослужился до командира «Силезии», но это военное судно было построено в начале века и уже к 1914 году устарело. В 30-х же годах оно представляло собой разве что музейную ценность — боевые качества его были равны нулю, да и обучать на таком судне ведению морской войны не имело особого смысла. Ясно, что командирский пост на этом заштатном крейсере не мог удовлетворить честолюбие Канариса.

А вскоре будущий начальник абвера получил назначение на пост командира береговой охраны в Свинемюнде. Свинемюнде был в то время небольшим курортным местечком, и назначение туда означало конец карьеры. Путь из Свинемюнде был только один — отставка в чине контр-адмирала. Всем не знавшим о второй стороне деятельности Канариса казалось, что его карьера закончена бесповоротно.

Шеф абвера

В день своего рождения (Канарису исполнилось 48 лет) он вступил в новую должность — начальника абвера. Позади осталось 30 лет службы во флоте. А впереди, казалось, было лишь одно — спокойная должность и уход на покой. И вдруг…

Прыжок Канариса из Свинемюнде на Тирпитцуфер в Берлине, в самый центр коричневой империи, рядом с Бендлерштрассе (военное министерство) и Вильгельмштрассе (министерство иностранных дел), рейхсканцлей (резиденция Гитлера) и рейхсзихер-хейтсхауптамт (резиденция Гиммлера), был обусловлен множеством факторов.

То было время, когда в международной жизни в капиталистической Европе процветала тайная дипломатия. За плотно закрытыми дверями подготавливалось германо-польское соглашение о «дружбе» 1934 года; оно должно было разъединить бывших союзников — Францию и Польшу, создать угрозу Советскому Союзу, замаскировать истинные планы Гитлера на Востоке и сбить с толку его противников на Западе. В обстановке большой секретности проходили и переговоры о заключении англо-германского морского соглашения 1935 года — первой крупной вехи на пути мюнхенской политики, важного звена в цепи уступок фюреру в Европе, приведших в конечном итоге ко второй мировой войне. Поощряемый заправилами крупных монополий, Гитлер приступил к осуществлению своей «молниеносной дипломатии». Обещания, принципы, традиции — все полетело вверх тормашками, закрутилось в вихре неожиданных, противоречивых и даже взаимоисключающих решений. Официальные инстанции, министерства, парламенты и даже кабинеты оказались вне игры. Акты государственного значения принимались на сверхсекретных совещаниях, в беседах с глазу на глаз, а иногда и во время телефонных разговоров между мало кому известными агентами, особо уполномоченными, специальными посланцами.

Внутри Германии, в ее государственном аппарате, царили интриги и взаимная слежка. Гитлер перетасовывал старую чиновничью колоду: валеты становились королями, короли — тузами, кто-то оставался за бортом, кого-то поспешно возвышали. Кровавый отсвет летних расстрелов 1934 года, террористической расправы Гитлера с оппозицией внутри фашистской партии, освещал карьеру многих фашистских чиновников в конце 1934 — начале 1935 года. Их было принято именовать «люди ночи длинных ножей». Той самой ночи 30 июня 1934 года, когда

Гитлер и Гиммлер уничтожили руководителей штурмовых отрядов — Рема и других. 30 июня погибли не только сторонники нацистской оппозиции, но и неугодные Гитлеру старые служаки кайзеровской армии, сверстники и друзья Канариса, такие, как генерал Шлейхер и его адъютант полковник фон Бредов. В фашистском чиновничьем аппарате открылось много вакансий. Длинная очередь чиновников ждала у дверей рейхсканцлей своего часа.

В этой обстановке и выплыло имя Канариса. Для большинства его сослуживцев по флоту, даже для тех, кто считались его друзьями, неожиданное назначение будущего адмирала на высокий пост могло показаться случайностью. Откуда им было знать, что флотский офицер, на карьере которого уже поставили крест, никогда не думал о покое? Год за годом упорно и неутомимо он плел хитроумные интриги — завязывал связи с могущественными людьми рейха, создавал себе репутацию «незаменимого» у тех, кто решал судьбы чиновничьих карьер. Год за годом калькулировал, взвешивал, анализировал, делал выводы — все с одной целью: приобщиться наконец к механизму власти, проникнуть в сердцевину этого механизма, добраться до его тайных движущих пружин.

История назначения Канариса шефом абвера впервые показала, до какой степени не соответствует действительности общераспространенная легенда о «маленьком капитане» с крейсера «Берлин» и линейного корабля «Силезия». Стало ясно, что существует два Канариса: один — для «внешнего мира», для официальных инстанций, а также для большинства друзей, другой — истинный, коварный и опасный интриган, любыми путями и средствами достигающий своих целей.

Вот что говорили о Канарисе его сослуживцы: «Он очень скрытный и сдержанный. Долго думает. Зато весьма прилежный и добросовестный». В отзыве флотского начальства о Канарисе, составленном незадолго до прихода гитлеровцев к власти, было написано: он «выполняет свои обязанности с большой добросовестностью, пониманием и хорошим знанием предмета». В этом отзыве особо отмечалась «скромность» Канариса. Так и кажется, что речь идет о незаметном служаке, «чернильной душе», об этаком флотском варианте «человека в футляре», которому «привалило счастье».

А между тем доподлинно известно, что накануне своего назначения на пост начальника абвера Канарис развил кипучую деятельность — обивал пороги десятков фашистских сановников, имел бесчисленные встречи со своими друзьями периода убийства Р. Люксембург и К. Либкнехта, что он высматривал и

вынюхивал… А потом, когда напал на след, узнал, что Гитлер ищет замену начальнику абвера, уже прямой дорогой ринулся к желанной цели.

Прежде чем назначить Канариса на ответственный пост, Гитлер потребовал его характеристику, но уже не у флотского начальства, а у военного министра и нацистских доверенных лиц в военном ведомстве. И тогда оказалось, что «кандидат на пенсию», скромный и застенчивый капитан флота обладает совсем иными качествами. В характеристике, помеченной ноябрем 1933 года, рекомендуется «использовать Канариса на командных должностях, где требуется острая наблюдательность и искусство дипломатического лавирования, а также на должностях, где мог бы быть полезен его широкий кругозор».

Можно ли было предположить такие качества в человеке, которого только что послали в тихую свинемюндскую гавань мирно дотягивать флотскую карьеру!

Эпизод с возвышением Канариса как нельзя лучше характеризует двуликого адмирала. (Уже вскоре после назначения Гитлер пожаловал Канарису адмиральский чин.) Устремления Канариса, содержание всей его жизни, образ мышления и действий вполне соответствовали духу нацистской Германии. Канарис оказался находкой для политических авантюристов, ставших во главе рейха.

Один из поклонников адмирала, хорошо знавший его, писал в своих мемуарах: «Канарис принял на себя руководство абвером в надежде влиять на решение военных вопросов и воздействовать таким путем на политическую обстановку».

Это одно из немногих признаний политических амбиций Канариса. Дальнейшая деятельность адмирала полностью подтвердила этот прогноз. Как только Канарис стал во главе фашистской разведки, он не только усовершенствовал, расширил и укрепил абвер, но и превратил его в эффективное орудие глобальной войны и политики, в своего рода государство в государстве.

Что представлял собой абвер до Канариса?

Это был небольшой отдел военного министерства, в котором работало восемь — десять офицеров и несколько технических сотрудников. Абвер до «эры Канариса» делился на два сектора — «Восток» и «Запад» и имел своих представителей (их было тогда всего семь) в военных округах. Общее число сотрудников абвера накануне назначения Канариса составляло примерно сорок человек.

Слово «абвер» в переводе означает «отпор», «защита». После поражения Германии в первой мировой войне и подписания

Версальского договора из официальной терминологии изгонялось все, что могло напомнить о военных приготовлениях и агрессии. Так военный шпионаж стал именоваться «защитой» — абвером. В соответствии с этим обязанности отдела абвер были на первых порах сравнительно скромными, его задачи — ограниченными. Он должен был собирать сведения об иностранных армиях и организовать борьбу со шпионажем, направленным против рейхсвера.

Однако столь узкое поле деятельности отнюдь не отвечало планам Канариса. Он пришел в абвер с готовой программой действий, со своим пониманием задач разведки в тоталитарном государстве и в буржуазном обществе вообще, со своей концепцией о месте и роли разведывательной службы в жизни государств и народов. Долголетний сотрудник Канариса Леверкюн, выпустивший книгу о германской секретной службе в годы войны, писал: «Канарис… был более чем номинальным главой абвера. Абвер был порождением его взглядов и воплощением его личности… Не будет преувеличением сказать, что абвер был Канарисом, а Канарис — абвером».

После прихода Канариса абвер стал быстро разрастаться. Уже через три года маленький отдел превратился в огромное управление — только центральный аппарат его насчитывал примерно 4 тысячи сотрудников. А спустя четыре года Управление разведки и контрразведки было переименовано в отдельное ведомство. Но по числу служащих и влиянию в системе рейха оно заняло место министерства.

Однако дело не только в количественном росте аппарата Канариса. Он ввел новые принципы построения абвера, вытекавшие из его понимания задач и целей разведки.

Среди немногих безделушек, служивших украшением адмиральского кабинета, была бронзовая статуэтка, изображавшая трех обезьян: одна поднесла руку к глазам, как бы смотря вдаль, другая приложила ладонь к уху, третья предостерегающе поднесла палец к губам. Канарис часто повторял, что эти фигурки — символ разведки, ибо разведка все видит, все слышит, но ничего не говорит.

Вообще, убранство кабинета двуликого адмирала было тщательно продумано, а поэтому в какой-то мере отражало характер хозяина. В кабинете висели две фотографии: предшественника Канариса на посту начальника германской военной разведки в годы первой мировой войны, автора фундаментального теоретического труда о разведке полковника Николаи и… собаки Канариса — таксы редкой окраски, которой он дал ласковую кличку Зеппль. В канун войны к этим двум

снимкам присоединилась фотография большого друга Канариса испанского каудильо Франко со слащавой надписью.

Фотографии эти имели символическое значение. Что касается полковника Николаи, то его труды были исходным пунктом, толчком к формированию воззрений самого Канариса. Правда, шеф абвера пошел значительно дальше Николаи, а по ряду вопросов теории и практики разведывательной службы придерживался прямо противоположных взглядов. Тем не менее он считал Николаи отцом германской военной разведки и испытывал к нему большой пиетет. Портрет Николаи как бы напоминал фашистскому адмиралу о необходимости завершить то, что было начато германским империализмом в первую мировую войну.

Фотография собаки Зеппль была призвана «утешать» Канариса, когда он предавался философским размышлениям о порочности человеческой натуры. Канарис проповедовал философию презрения к людям — он не верил в человеческую порядочность, верность, моральную стойкость, в стремление к правде и справедливости.

К Канарису вполне можно отнести слова, которые в свое время Талейран сказал о Фуше — начальнике разведки Наполеона: «Фуше оттого так сильно презирает людей, что он слишком хорошо знает самого себя».

Для Канариса человек был воплощением преступных наклонностей, честолюбия, лживости, предательства, грязных, низменных инстинктов. Другое дело — собака. Когда вечером 23 июля 1944 года к адмиралу явился Шелленберг, чтобы арестовать его, Канарис, прощаясь со своей таксой, прослезился и сказал эсэсовскому генералу:

— Шелленберг, всегда помните о верности бессловесных тварей. Видите, моя такса держит все в тайне и никогда не предаст меня, а этого я не могу утверждать ни об одном человеке.

И чтобы покончить с кабинетом Канариса, надо упомянуть, пожалуй, большую японскую красочную гравюру, которую подарил адмиралу посол Японии в Берлине Осима, — она висела позади письменного стола, на ней было изображено страшное, искривленное в дьявольской усмешке человеческое лицо — тоже своего рода символ фашистской разведки. Посетитель, сидевший в кресле перед письменным столом, видел Канариса, его коротко остриженные седые волосы, удлиненное лицо со светлыми и странно неподвижными глазами, на фоне этого безобразного и жуткого изображения. На него как бы смотрели два лица, и трудно сказать, какое из них было истинным лицом двуликого адмирала.

Взгляды и вкусы Канариса наложили свой отпечаток и на все здание абвера на Тирпитцуфере, 74. Резиденцию адмирала прозвали «лисьей норой». Это был обширный особняк, который много раз перестраивался, расширялся, переоборудовался в соответствии с пожеланиями самого Канариса. В результате здание превратилось в хаотическое нагромождение комнат, с бесчисленными переходами, бесконечными коридорами, неожиданными тупиками, в которых легко мог заблудиться даже опытный сотрудник аппарата. Вероятно, лишь одному Канарису были ведомы все ходы и выходы из «лисьей норы».

Вернемся, однако, к организационным принципам построения разведки, проводимым в жизнь Канарисом при перестройке абвера. Канарис выразил их весьма лаконично и образно: абвер должен быть похож на человеческий организм, он должен иметь глаза, уши, руки, ноги.

На первый взгляд это изречение может показаться весьма банальным, но в действительности оно содержит далеко идущий и опасный смысл.

Абвер после его реорганизации состоял из центрального отдела, отдела внешних сношений и трех оперативных отделов — первого, второго и третьего.

Отдел I ведал «тайной разведывательной службой», т. е. шпионской работой в иностранных государствах. Он собирал информацию от разветвленной сети агентов и, по терминологии Канариса, являлся «ушами» абвера.

Отдел II занимался особого рода деятельностью — организацией актов саботажа и диверсий во вражеских странах. Для этого готовились кадры в специальной школе, оборудованной по последнему слову диверсионной техники. Диверсанты перебрасывались из страны в страну, с одного объекта на другой и как бы придавали подвижность абверу. Поэтому отдел II воплощал «ноги» разведывательного организма, созданного адмиралом.

Саботаж входил в «классическую схему» построения разведки, рекомендованную в свое время полковником Николаи. Здесь действия Канариса еще укладывались в рамки старых традиций и отличались лишь масштабностью.

Но то, что резко отличало абвер от кайзеровской военной разведки, — это наличие у него особых войсковых контингентов, своей армии. Это и были «руки» абвера, и, по замыслу Канариса, они должны были служить не только для вылавливания «врагов фатерланда», но и для защиты самого абвера внутри рейха. Канарис создал свою лейб-гвардию, свое орудие власти в фашистском государстве.

Он долго и упорно добивался этого. С трудом удалось убедить Гитлера в том, что вермахт должен иметь собственную полицию. Еще до войны было издано распоряжение Гитлера о создании тайной полевой жандармерии, подчиненной верховному командованию вооруженных сил. Начальником жандармерии вермахта был назначен сотрудник Канариса: фактически же ее деятельностью руководил сам шеф абвера.

Но Канарис рассматривал это решение как половинчатое. Только после начала мировой войны ему удалось реализовать свой план в полном объеме. Во время польской кампании 1939 года диверсионные группы отдела II оказали вермахту немалые услуги — они овладели многими узлами связи и стратегически важными объектами за несколько часов до начала военных действий, а в ходе боев внесли свой вклад в дезорганизацию тылов польской армии и даже захватили целый город. О «подвигах» отрядов Канариса, до объявления войны подло обрушивавшихся на города соседних стран, убивавших детей, женщин и стариков, грабивших и поджигавших жилища мирных граждан, мы расскажем далее. Здесь же важно отметить лишь одно: после начала фашистской агрессии Канарис получил возможность поставить перед Гитлером вопрос о создании *собственных* войсковых соединений.

Фюрер согласился с идеей Канариса, и уже 13 октября 1939 года была создана «учебная строительная рота № 800 для особых поручений» под командованием сотрудника отдела II капитана Гиппеля. Через три месяца рота превратилась в батальон, спустя некоторое время — в полк и, наконец, в 1942 году стала дивизией. По месту расквартирования командных центров ее называли дивизия «Бранденбург».

Таким образом Канарис получил то, чего не имел ни один шеф военной разведки, — собственную армию. Теперь он мог потягаться с такими могущественными фигурами в третьей империи, как Гейдрих и даже Гиммлер. «Маленький адмирал» стал заметной политической фигурой, его побаивались, стремились задобрить, заручиться его дружбой и поддержкой.

Так «расширился» отдел II абвера, первоначально самый малочисленный и наименее влиятельный в ведомстве разведки и контрразведки.

В обязанность последнего оперативного отдела — отдела III входила контрразведка. Он был наиболее многочисленный и делился на множество секторов и групп. Отдел ведал борьбой с иностранными разведывательными службами не только в вермахте (для этой цели были созданы три сектора — сухопутных, военно-морских и военно-воздушных сил), но и на

всей территории рейха. Три специальных сектора занимались работой в «гражданской области». Два сектора ведали особо тонкими и деликатными вопросами: дезинформацией и подрывной работой внутри иностранных разведывательных служб. Речь шла главным образом о снабжении иностранных разведок фальшивыми сведениями, призванными ввести их в заблуждение, направить по ложному следу, замаскировать агрессивные намерения гитлеровского рейха. Эту деятельность Канарис называл «игрой разведок». Наконец, еще два сектора «обрабатывали специальные сферы» — лагеря для военнопленных (вербовка агентов среди них и вылавливание разведчиков) и перехват сообщений иностранных разведывательных служб, передававшихся по радио, почте и телеграфу.

Отдел III — «глаза» абвера — представлял собой разветвленный аппарат, в котором работало не менее тысячи сотрудников.

Аналогичным образом был построен также и отдел I, но его секторы выполняли непосредственно оперативные задания. Три сектора занимались разведывательной деятельностью в зарубежных армиях — в сухопутных, военно-морских и военно-воздушных силах, три других — экономическим шпионажем и общим военно-техническим шпионажем, особенно добыванием шпионских сведений в области авиационной техники. Наконец, существовали еще специальные секторы, ведавшие изготовлением шпионской аппаратуры, портативных раций и пеленгаторов и обучением агентов.

Гордостью Канариса были два изобретения этого отдела — «микроточка» и «маленький чемодан-радиостанция» (тогда еще не существовало полупроводников и проблема портативности радиоаппаратуры решалась со скрипом).

«Микроточка» давала возможность уменьшить страницу машинописного текста до размера точки, которая впечатывалась в письмо самого невинного содержания. Только к концу войны изобретение стало известно англичанам из показаний арестованного немецкого агента.

Что касается «чемоданов-радиостанций», то ими немецкие агенты широко пользовались. Для приема агентурных радиосообщений и передачи инструкций абвер построил около Берлина сверхмощную и первоклассно оборудованную радиостанцию. Кроме того, местные отделы абвера в военных округах имели свои радиостанции.

Кроме оперативных отделов в абвере был создан так называемый центральный отдел. Он ведал картотекой — гигантским архивом, занимавшим множество помещений в

«лисьей норе».

Так строилось ведомство абвера. Его местные органы были созданы в каждом военном округе рейха, они назывались «абверштеллен», сокращенно — АСТ, а за границей — «кригсорганизационен», сокращенно — КО. Первые были построены по аналогии с центральным аппаратом (имели три оперативных отдела и центральный), вторые маскировались главным образом под различного рода частные фирмы.

Сравнение аппарата абвера с живым организмом, как мы видим, имело определенный смысл. Идея, заложенная в этом сравнении, заключалась в следующем: абвер должен иметь все необходимое для самостоятельного существования. Он должен служить интересам господствующего класса империалистической Германии в любых условиях, при любых обстоятельствах, иными словами, являться своего рода автономным организмом, который мог бы устоять даже при смене режима.

В области шпионажа Канарис, по существу, провел то, что сделал Гитлер в области государственного управления. Фюрер строил тотальное фашистское государство, «тысячелетний рейх». Он создавал гигантскую машину террора, дьявольский механизм истребления, запугивания и контроля. Канарис создавал сложный аппарат разведки, плел тонкую, упругую, разветвленную шпионскую сеть, которая должна была опутать всю Германию, а затем всю Европу.

Ясно поэтому, что старые схемы построения буржуазной разведки уже не устраивали проповедника тотального шпионажа. С этой точки зрения не безынтересно сопоставить взгляды Канариса и его учителя полковника Николаи.

Николаи считал, что главное звено секретной службы — разведчик; от его личных качеств — инициативы, находчивости, профессиональных знаний — зависит успех дела. Германская военная разведка времен первой мировой войны располагала крупными агентами, такими, как Мата Хари, фон Папен и другие.

Канариса меньше всего интересовала личность разведчика. Чем самостоятельнее агент, тем хуже, считал он. Ему нужны были не разведчики, а чиновники, не самостоятельность, а послушание, не интеллект, а организация. Смелых, инициативных разведчиков он презирал и считал опасными.

И не случайно военная разведка рейха почти не знает громких имен — ее бандитские дела совершались втихую, шайками чиновников от шпионажа.

Полковник Николаи видел свою задачу в вербовке одиночных агентов за рубежом, в вовлечении иностранцев в германскую шпионскую сеть.

Канарис, отнюдь не отвергая этого принципа, уделял основное внимание организации «пятой колонны» в чужих странах. Зачастую в нее включались целые группы немецкой национальности, всякого рода шовинистические, реакционные союзы и организации. «Пятые колонны» — типичное порождение фашистских методов разведки, и Канарис был одним из их создателей.

Наконец, полковник Николаи утверждал, что главная задача разведки — сбор шпионской информации. Канарис же считал это второстепенной функцией абвера. Он стремился прежде всего овладеть рычагами активного политического воздействия на правительства чужих стран, создать агентуру в высших правительственных сферах и выдвинуть своих агентов на влиятельные посты в государстве. В списке агентов абвера числилось немало государственных деятелей стран — сателлитов фашистской Германии.

Суммируя сказанное, можно прийти к совершенно определенному выводу. Канарис с самого начала строил машину агрессии. Он взял курс на подготовку внезапных нападений, агрессивных походов, он готовился к оккупации целых стран, кровавой расправе с населением, борьбе против национально-освободительного движения. Канарис понимал, что немецкие монополисты призвали Гитлера к власти для вооруженного передела мира в своих интересах. И он полностью настроился на нацистскую волну; улавливая симптомы предстоящих событий, он стремился наилучшим образом подготовиться к осуществлению преступных гитлеровских планов. Фюрер мог быть доволен своим выбором. «Маленький адмирал» предоставил в его распоряжение такую силу, без которой вряд ли были возможны «молниеносные» победы фашистских вооруженных сил в начальный период войны.

Провокации, саботаж, дезинформация, шпионаж, террор — таково было оружие абвера, и гитлеровский рейх широко пользовался им.

Неслыханной провокацией началась, в частности, агрессия против Польши.

Об этой акции гитлеровцев в Польше, т. е. о начале второй мировой войны, подробно рассказано в мемуарах начальника управления в главном имперском ведомстве безопасности Шелленберга, о котором уже шла речь выше. Накануне польского похода Гитлер дал указание инсценировать нападение поляков на немецкую радиостанцию в городе Глейвице, дабы получить повод к объявлению войны. Эту операцию Гитлер поручил Гейдриху и Канарису. В соответствии с поручением Канарис приказал отправить в распоряжение Гейдриха польские военные мундиры.

Далее предоставим слово одному из сотрудников Гейдриха, Альфреду Хельмуту Науйоксу.

«Между 25 и 31 августа я посетил Генриха Мюллера, главу гестапо, который находился вблизи Оппельна. В моем присутствии он вместе с неким Мельхорном обсудил план организации пограничного инцидента, смысл которого состоял в том, чтобы инсценировать нападение поляков на немцев… Для этого следовало предоставить в мое распоряжение немецких сотрудников, численностью примерно в одну роту. Мюллер сказал, что он направит мне также 12 или 13 приговоренных к смерти преступников, которых оденут в польскую форму и трупы которых следует оставить на месте происшествия, чтобы создалось впечатление, будто они убиты в ходе операции. Для верности преступники заранее получат смертельные инъекции от врача, которого пришлет Гейдрих, после чего им будут нанесены пулевые ранения. Было предусмотрено, что после окончания операции на «поле боя» соберутся представители прессы и свидетели, в присутствии которых власти составят полицейский протокол».

Было условлено, что перед операцией Науйоксу передадут труп одного из преступников, и его оставят на месте происшествия. О самой операции Науйокс сообщал:

«31 августа, днем, Гейдрих передал мне по телефону пароль, с указанием, что операция должна начаться в 8.00 вечера того же дня. Гейдрих сказал: «Для проведения операции свяжитесь с Мюллером». Я это сделал и условился с Мюллером, что получу тело преступника в условленном месте, недалеко от радиостанции. Действительно, мне его передали, и я положил его у входа в здание радиостанции. Он был еще жив… Никаких пулевых ранений я не обнаружил, но лицо преступника было вымазано кровью. Он был одет в гражданское платье. Мы заняли, как было приказано, радиостанцию и передали в эфир речь, длившуюся три или четыре минуты. Операция сопровождалась несколькими выстрелами из пистолетов в воздух».

Фашистская пропаганда воспользовалась гнусной провокацией Гейдриха — Канариса, чтобы развернуть бешеную антипольскую кампанию. Гитлер использовал ее как повод для вторжения в Польшу. Вторая мировая война началась, таким образом, поистине бандитским спектаклем, с трупами, инъекциями, краденными мундирами… И одним из режиссеров этого спектакля был Вильгельм Канарис. Однако по-настоящему развернулись молодчики из ведомства Канариса во время нападения на польскую землю.

Отряды абвера вошли в Польшу раньше регулярных

фашистских войск. Гитлер по просьбе Канариса предоставил ему «свободу действий» за несколько часов до начала войны. «Такое разрешение, — сообщает сотрудник Канариса и автор труда об абвере Леверкюн, — не легко было получить, так как этим была поставлена под угрозу секретность срока наступления. Но фюрер не пожалел о том, что «уступил» Канарису».

В ночь с 31 августа на 1 сентября 1939 года впервые вступили в действие созданные Канарисом диверсионные отряды. Шеф абвера руководил ими с командного пункта в Бреславле.

Под покровом темноты агенты Канариса начали просачиваться через границу и занимать «боевые позиции». Одетые в штатское платье, снабженные польскими документами, они не сразу бросались в глаза. Около 2 часов ночи Канарис передал в эфир пароль: «Эхо». Десятки портативных раций, настроенных на Бреславль, приняли его. И в мирно спавших польских городах пограничной полосы загремели выстрелы, полилась кровь.

Бандитские шайки абвера захватили прежде всего узлы связи, военные заводы и электростанции, мосты, центральные учреждения; они врывались в дома политических руководителей и деятелей администрации. Они сеяли панику, вносили дезорганизацию и хаос в аппарат управления. В ночь на 1 сентября Канарис перебросил через границу 5 тысяч своих агентов. Да и в самой Польше диверсантов встретили заранее подготовленные боевые группы, состоявшие в основном из граждан немецкой национальности, которые проживали в этой стране (фольксдейче). Боевая группа отдела II в Верхней Силезии, например, насчитывала 1200 человек. Вместе с агентами, переброшенными в ту ночь через границу, этот ударный отряд занял город Катовице и удерживал его до подхода немецких войск. Другие группы захватили несколько десятков шахт, электростанций и мостов. И все это произошло еще до официального объявления войны, до перехода немецкими войсками границ Польши.

В Польше, таким образом, были впервые апробированы поистине гангстерские методы ведения войны, предложенные Канарисом. Эти методы, да и сам Канарис получили полное признание Гитлера. Фюрер пожаловал своему начальнику абвера высший орден нацистской империи — рыцарский крест.

Уже на этом этапе войны стало ясно, что разведывательная служба, созданная Канарисом, представляла собой прежде всего машину агрессии. Она служила захватническим планам Гитлера и его человеконенавистнической политике.

Вершина власти

Накануне назначения на пост начальника абвера Канариса принимали фашистские фюреры. На одном из таких приемов присутствовали заместитель Гитлера Рудольф Гесс, министр пропаганды Геббельс и бывший начальник военной разведки полковник Николаи. Геббельс изложил нацистскую точку зрения на задачи разведки, подчеркнув, что агент должен быть одновременно и диверсантом, и полицейским, и карателем. Полковник Николаи, прервав Геббельса, спросил: «А где мы найдем таких людей?» В разговор вмешался Рудольф Гесс. «Если мы их не найдем, — сказал он, — то создадим».

Канарис, по-видимому, хорошо запомнил этот наказ. Тем более, что он соответствовал его честолюбивому желанию расширить сферу деятельности разведывательной службы.

На протяжении долгих лет фашистский адмирал вторгался в области, не имеющие ничего общего с задачами военной разведки. Он сделал абвер не только орудием агрессии, но и орудием укрепления кровавого «нового порядка» на оккупированных территориях. Но при этом адмирал столкнулся с другой нацистской организацией — службой безопасности (СД) и с ее главой Гейдрихом, который считал, что властелином оккупированной Европы должна стать подведомственная ему машина террора. В результате долгих споров и интриг Канарис и Гейдрих выработали специальное соглашение «о разделе сфер влияния», которое вошло в летопись абвера под названием «десять заповедей». Из этих «заповедей» явствует, что Канарис фактически взял верх над своими соперниками из СД.

Отныне в компетенцию абвера входила не только «тайная служба информации за границей», т. е. шпионаж, но и борьба со всеми организациями, «угрожающими нацистскому режиму», развертывание саботажа и диверсий, выявление связей групп Сопротивления с иностранными разведками и т. д.

СД сохранило за собой контроль над внутренней политикой оккупированных государств, все дела, касавшиеся их политического положения, и т. д.

С 1939 года машина абвера работала на полный ход. Фашистская теория разведки обернулась жестокой и кровавой практикой. Казалось, абвер, а вместе с ним и Канарис достигли вершины власти.

Но именно в этот период выявилось с полной очевидностью, что сложная, хитроумная и жестокая машина абвера была, по сути дела, бессильна перед могучим антифашистским движением

народов. Как ни свирепствовали фашисты в оккупированных странах, «крамола» поднимала голову то в одной, то в другой стране. На место одного павшего борца становились десятки и сотни новых. Вдохновленные победами советского народа, бойцы великой армии Сопротивления наносили удар за ударом по гитлеровской военной машине и по нацистским карательным организациям, в том числе и по абверу.

Абвер во Франции

Канарис, который предстает сейчас на страницах многих ученых трудов, выпущенных в ФРГ, да и не только в ФРГ, как друг и почитатель западных стран, в свое время рьяно помогал Гитлеру в осуществлении его планов захвата Западной Европы и в проведении оккупационной политики. Перед началом блицкрига на Западе Канарис фактически перестроил свою шпионскую сеть, нацелив ее на выполнение диверсионных, а потом и чисто карательных функций.

Так же как и в ходе польской кампании, отряды абвера проникали на территорию очередной жертвы гитлеровской агрессии, нарушали коммуникации, сеяли панику, дезорганизовали жизнь страны. Абвер шел впереди регулярных войск.

Иллюстрацией к этой тактике может послужить операция, которая с восторгом превозносилась сотрудниками абвера как «опытно-показательная». Она была разработана в ноябре 1939 года в имперской канцелярии, где проходило совещание под председательством фюрера. На этом совещании Канарис предложил силами диверсионных отрядов абвера захватить мосты через Маас и Альбер. Правда, голландцы все же успели взорвать большую часть мостов. Но железнодорожный мост у Геннепа попал в руки немцев нетронутым.

Произошло это так: на шоссе, которое вело к мосту, появилась колонна немецких военнопленных, конвоируемых людьми в голландской военной форме. Как только колонна приблизилась к мосту, «военнопленные» и «конвоиры» кинулись на солдат, охранявших мост, и перебили их. Вскоре через мост промчались немецкие танки. «Военнопленные» оказались диверсантами из дивизии абвера «Бранденбург», голландские «конвоиры» — агентами Канариса в Голландии, участниками муссертовского движения[4].

Примерно так же действовали команды абвера и в портовых городах Западной Европы: с моря и суши они совершали пиратские набеги на береговые укрепления и корабли. Таким набегам подверглись Роттердам, Антверпен, Булонь, а затем Дюнкерк, Дьеп, Гавр, Руан и Брест.

Во Франции подразделения абвера в дни блицкрига также врывались в города и населенные пункты часто раньше передовых частей армии. Одна из задач, которую они должны были решить, — это захват секретных документов. В руки агентов Канариса попали целые вагоны секретных бумаг, которые потом

по приказу адмирала тщательным образом изучались.

Бывший руководитель филиала абвера во Франции Оскар Райле рассказывает в своей книге «Тайный фронт на Западе», что Канарис, прибыв во Францию вместе с видными сотрудниками абвера полковником Пикенброком и Бентивегни, остался чрезвычайно доволен действиями своих подчиненных. «Он был в отличном настроении», — пишет Райле.

Действительно, размах и эффективность действий абвера превзошли ожидания самих фашистских главарей.

Через шесть-семь дней после оккупации Парижа в столице Франции был создан специальный пункт абвера — КО. Его штаб-квартирой стал отель «Лютеция». Уже самый факт создания КО в Париже показывал, что Канарис решил всерьез и надолго осесть во Франции. И действительно, фашистский адмирал сразу же начал приспосабливать машину абвера для нужд оккупации, сосредоточив главное внимание на борьбе с движением Сопротивления.

Абверовцы вели себя в поверженной Франции как истые грабители. Они пьянствовали и развратничали не меньше, чем их «конкуренты» из гестапо и СД. «Шампанское, — пишет в своих мемуарах бывший сотрудник абвера, — лилось рекой… В «Лютеции» была великолепная кухня, вина лучших марок доставались нам по баснословно дешевым ценам».

Однако за попойками сотрудники Канариса не забывали и о своем гнусном «деле».

С первых же дней оккупации они повели жестокую войну против французского народа. И тут Канарис опередил своих коллег из СД. Дело в том, что начальнику абвера, обладавшему громадной агентурной сетью в Европе, было ясно: капитуляция правительства Франции вовсе не означает, что французский народ поставлен на колени. Колонизация европейских стран, превращение их в покорных вассалов нацистской Германии были легко достижимы лишь на бумаге, в хвастливых статьях Геббельса, в бредовых трудах Розенберга. Но Канарис знал, что фашисты вступили в борьбу с народами Европы не на жизнь, а на смерть. И он прилагал все силы к тому, чтобы создать для гитлеровцев наилучшие, по его мнению, исходные позиции в этой борьбе: расправиться с движением Сопротивления, отрезать Западную Европу от остального мира, уничтожить руководителей антифашистского движения, разложить патриотические силы, основать во Франции опорные пункты из предателей-коллаборационистов.

С лета 1940 года по указанию абвера во Франции находились под неусыпным контролем аэродромы, железные и шоссейные

дороги, а главное, побережье. Все рыбачьи шхуны, которые могли быть использованы для переправы французов через Ла-Манш, подвергались тщательному осмотру. Часть их была конфискована. Лица, подозреваемые в помощи патриотам, подвергались жестоким репрессиям. Абвер вел переговоры с военным министерством Виши, добиваясь полной легализации своих действий и в неоккупированной Франции.

Одним из первых мероприятий Канариса была попытка полностью «закупорить» французскую территорию, лишить Францию связей с внешним миром.

Одновременно абвер по указанию Канариса расширял свою агентурную сеть в оккупированных странах, привлекая для работы местных фашистов, авантюристов всех рангов и мастей, а также уголовные элементы. «Миллионный город, — пишет начальник КО в Париже Райле, — имел достаточно авантюристов и темных личностей, которые за хорошую плату или за другие материальные блага были готовы к сотрудничеству с нами…»

Гигантская сеть фашистского террористического аппарата опутала порабощенную Европу. Уже с осени 1941 года вступил в силу приказ «Ночь и туман». Согласно этому приказу в любой дом, к любому французу, голландцу, бельгийцу, норвежцу, которого подозревали в участии в движении Сопротивления, в любое время суток могла явиться гитлеровская полиция, арестовать его, засадить в тюрьму, концлагерь, подвергнуть нечеловеческим пыткам, послать на казнь. Тем, кого арестовывали по приказу «Ночь и туман», можно было не предъявлять обвинений. Их официально лишали всего: помощи близких, права на защиту, права на помилование. Их лишали даже имени. В тюрьмах и концлагерях они фигурировали как безыменные единицы. Их не судили, об их казни не оповещали даже самых близких родственников… Эти люди попросту «исчезали», «изымались» из жизни.

…Ночь и туман царили на улицах французской столицы. Громадный город с осени 1941 года находился на осадном положении. По распоряжению командования вермахта кино, театры, кафе были закрыты с 17 часов. В это же время прекращало свою работу метро. Парижанам не разрешалось выходить на улицу с 6 часов вечера до 6 часов утра… Облавы следовали за облавами. Десятки тысяч французов были брошены в концлагеря, и прежде всего коммунисты, члены прогрессивных организаций, левая интеллигенция, евреи.

Перед нами документы тех страшных лет, пожелтевшие от времени листы бумаги. Эти листы расклеивались на улицах Парижа начиная с 1940 года. Они висели на обомшелых стенах

старых домов, камни которых пережили много веков, и на нарядных парижских особнячках, и на конструктивистских зданиях в стиле Корбюзье.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Утром 21 августа в Париже пал жертвой нападения служащий немецкого вермахта.

П о с е м у п р и к а з ы в а ю:

1. Все, находящиеся под арестом, по распоряжению немецких учреждений или работающих на них организаций объявляются с 23 августа заложниками. Впредь из числа заложников по любому аналогичному поводу будет подвергаться расстрелу определенное число лиц в соответствии с тяжестью совершенного преступления.

Париж, 22 августа 1941 года.

За командующего вооруженными силами вермахта во Франции — Шаумбург, генерал-лейтенант.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

6, 10 и 11 сентября 1941 года в Париже на военнослужащих германского вермахта совершены покушения. В наказание за эти трусливые злодеяния и в соответствии с моим распоряжением от 22 августа 1941 года расстреляны следующие заложники.

И далее следуют десять фамилий.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

Преступники, состоящие на службе Англии и Москвы, утром 20 октября убили коменданта полевой жандармерии в Манте. Преступники не пойманы. В наказание за это преступление я пока что приказал расстрелять 50 заложников… Поскольку я установил, что злоумышленникам, саботажникам и нарушителям порядка помогают их ближайшие родственники, я

принял решение подвергать тяжелым наказаниям не только самих злоумышленников, но и их семьи, если злоумышленники не отдадут себя в руки французских полицейских властей в течение 10 дней после совершения преступления. В качестве наказаний я предусматриваю:

1. Расстрел всех родственников мужского пола по восходящей и нисходящей линии, а также зятьев и двоюродных братьев старше 18 лет.

2. Отправку всех женщин, состоящих в том же родстве, на каторжные работы.

3. Отправку в воспитательные заведения всех детей до 17 лет, родители которых подверглись вышеупомянутым наказаниям.

Исходя из этого, я призываю каждого препятствовать покушениям, саботажу и нарушениям порядка, а также предлагаю сообщать немецким или французским полицейским властям даже самые незначительные факты, которые могли бы способствовать поимке виновных.

Париж, 10 июля 1942 года.

Оберфюрер СС и полиции на территории командующего вооруженными силами во Франции.

Эти пахнущие кровью «объявления» наводнили всю Францию.

Уже по ним видно, какого размаха достиг фашистский террор в оккупированной Европе. Кто же проводил террористические акции в странах, захваченных гитлеровцами?

Как ни запутывают следы нынешние неофашисты, адреса убийц в Западной Европе хорошо известны.

В оккупированном фашистами Париже таких адресов было четыре: Булонский лес — там размещались СД и гестапо; авеню Клебер, отель «Рафаэль», — верховное командование вермахта; авеню Клебер, отель «Мажестик», — резиденция военного коменданта, того самого, который подписывал чудовищные «объявления» о расстреле заложников… И, наконец, отель «Лютеция» — филиал абвера, ведомства Канариса.

Каждая из этих штаб-квартир выполняла свои определенные функции: тайная полиция (гестапо) производила аресты, пытала и казнила участников движения Сопротивления и всех, кого подозревали во враждебных к оккупантам действиях или помыслах; армия заключала в тюрьму заложников и расстреливала их, чтобы запугать население и его авангард —

борцов-антифашистов; абвер проникал также в организации Сопротивления, чтобы с помощью обмана, провокаций, предательства задушить борющуюся Францию.

В соответствии с пресловутыми «десятью заповедями» практически большинство дел, связанных с движением Сопротивления, перешло в руки абвера, ибо организации и группы, боровшиеся против гитлеровского господства на оккупированных территориях, рассматривались как «работающие на иностранную разведку».

К тюрьмам, концлагерям, пыткам и казням абвер формально не имел отношения. Однако тот же начальник КО во Франции Райле, который в мемуарах строит из себя этакого джентльмена от шпионажа, по его собственному признанию, посещал тюрьмы накануне казни заложников… Им двигало, разумеется, не любопытство, а стремление выжать из осужденных на смерть людей ценные признания, которые помогли бы абверу совершать его черные дела.

Конечно, между абвером и службой безопасности не прекращалась грызня. В частности, абверовцы обвиняли сотрудников СД в том, что те иногда слишком «торопятся» арестовывать и казнить, и тем самым лишают абвер возможности выявить все связи выслеженных им участников Сопротивления. Но все это были неполадки и трения, весьма обычные для фашистского аппарата. Гитлеровские чиновники из разных ведомств, как правило, подкапывались друг под друга, выслуживались перед Гитлером и Гиммлером, защищали честь мундира и пр. Никаких принципиальных разногласий по вопросу о методах и целях борьбы с народами оккупированных стран между абвером и другими террористическими организациями гитлеровцев не существовало и не могло существовать. Каждая из этих организаций на свой лад выполняла одну и ту же функцию: огнем и мечом насаждала господство нацистов в Европе.

Среди множества документов, которые захватили сотрудники абвера в первые дни блицкрига, особо ценными считались картотеки французской полиции. В руки абвера попали все досье, которые французская полиция составляла долгие годы. В них были собраны сведения о многих тысячах людей — членах Французской компартии и других прогрессивных организаций, о борцах против фашизма и милитаризма. Картотека французской полиции (часть которой она, кстати сказать, добровольно передала из рук в руки оккупационным властям!) значительно облегчила гитлеровцам задачу уничтожения цвета французской нации. Абвер и гестапо получили возможность действовать почти наверняка, устанавливая слежку за патриотами, арестовывая и

расстреливая их в качестве заложников, бросая в концлагеря.

Как же проводились карательные операции абвера? В ведомстве Канариса был выработан определенный шаблон, которому и следовали господа из отеля «Лютеция». Напав на след организации Сопротивления, абвер засылал в нее кого-либо из своих агентов. Провокатор узнавал явки, пароли, имена участников. Чиновники абвера заносили все это в досье, а затем передавали «готовое дело» службе безопасности.

После этого наступал завершающий акт трагедии: аресты, пытки, казни.

Одно из первых дел абвера во Франции получило наименование «Порто». Дело «Порто» было поручено агенту Андриасу Фолнеру по кличке Пат. Немец по национальности, уроженец Люксембурга, он много лет служил в колониальной армии в Бельгийском Конго. Это был прожженный авантюрист, грубый и жестокий солдафон.

Пат пробрался в группу французских патриотов, сообщив им, что поддерживает регулярную связь с Лондоном. На протяжении многих месяцев участники группы были уверены, что он переправляет добытую ими информацию через Лиссабон в Лондон. Тем временем Пат раздобыл списки организации, узнал о связях группы с бельгийскими антифашистами. В конце концов его заподозрили в предательстве, но было уже поздно.

9 октября 1941 года начались аресты по делу «Порто». За несколько дней было схвачено около тысячи французских и бельгийских граждан. Большую часть из них военные суды приговорили к смерти. В последнюю минуту между службой безопасности и абвером возник инцидент. Абверовцы просили освободить нескольких подсудимых. При этом сотрудники Канариса руководствовались отнюдь не соображениями гуманности, а всего лишь хитрым расчетом: им не хотелось демаскировать своих агентов, которых, разумеется, сразу же выпустили на свободу (помимо Пата в деле «Порто» были замешаны и другие провокаторы). Однако чиновники из СД не пошли навстречу абверу. Они не пожелали выпустить из застенков ни одну из своих жертв.

В середине августа 1941 года в Париже состоялась конференция абвера, на которой присутствовали руководящие сотрудники фашистской разведки в Швейцарии, Испании и Португалии. Конференцию проводил Канарис. Уже известный нам полковник Райле доложил о деле «Порто». Канарис прервал Райле, воскликнув: «Ну как, Ленц, правда, здорово?!» (Ленц был руководителем КО абвера в Испании.) Французские абверовцы могли быть довольны: их похвалил сам шеф!

Кульминационным пунктом в работе абвера в оккупированной Европе были две операции, получившие названия «Северный полюс» и «Порто-II».

Обе акции строились на один манер. Абвер организовывал мнимую группу Сопротивления и связывался с Лондоном. Оттуда лжеподпольщикам отправляли взрывчатку, оружие, продукты питания. Особенно удачной для абвера была акция «Северный полюс», проведенная в основном в Голландии. Одних только винтовок было получено из Англии свыше 50 тысяч. Английские самолеты 200 раз прилетали на «свидание» с агентами Канариса. Кроме того, британская разведка, всерьез уверовав в существование мифической организации Сопротивления, сбросила ей в помощь 54 своих парашютиста, которые попали в лапы абверовцев. Операция «Северный полюс» явилась весьма чувствительным ударом для английской разведки.

Акция «Порто-II» проводилась по тому же стандарту в Париже. Любопытно, что начальник КО абвера во Франции, уже знакомый нам Райле, связывался с английской военной разведкой из своего собственного оффиса, т. е. из отеля «Лютеция». Англичане вновь попались на провокацию и передали агентам абвера свою рацию и тайный код. Из Лондона мнимых подпольщиков запрашивали о передвижении немецких войск, о состоянии коммуникаций и т. д. Дезинформационные сообщения, передаваемые КО абвера в Лондон, согласовывались с берлинским центром. Однако акция «Порто-II» закончилась сравнительно быстро: английская разведка была к тому времени достаточно осведомлена о положении дел во Франции, ее было трудно долго дурачить ложными сообщениями. Чтобы спрятать концы в воду, абверовцы спустя несколько месяцев после начала акции радировали в Лондон, что они вынуждены прекратить работу, поскольку их выследил… абвер.

Однако частные успехи абвера, главным образом в борьбе с английской разведкой, которые биографы Канариса сейчас всячески раздувают и превозносят, отнюдь не влияли на общий ход дел в оккупированной Европе. После того как советские армии начали громить гитлеровцев на советско-германском фронте, их положение на Западе также значительно ухудшилось. У оккупантов под ногами начала гореть земля. Как ни свирепствовали террористические организации нацистов, в том числе и абвер, движение Сопротивления неудержимо росло и набиралось сил.

В январе 1942 года Канариса вызвали в ставку Гитлера «волчье логово». Фюрер был недоволен начальником абвера. Много лет он защищал его от нападок, а теперь в окружении

Гитлера все чаще слышалась зловещая для Канариса фраза: «Абвер не справился». Активизировались его завистники и враги — Гейдрих, Риббентроп и другие.

Конечно, и Канарис не сидел сложа руки: на интриги и козни своих соперников он отвечал не менее изощренными интригами и кознями. Но факт оставался фактом: программу усмирения Европы адмирал выполнить не смог. «Абвер не справился!»

Однако Канарис не был бы Канарисом, если бы он понял, что ни одна машина террора, ни один консорциум разведок, никакие самые хитроумные политические комбинации не могут сломить сопротивления народов, борющихся за правое дело, задушить стремление масс к свободе. И абвер и служба безопасности с бешеной злобой, с изощренной жестокостью продолжали свою «работу» на Севере и Юге, Западе и Востоке. Особенно на Востоке.

Дивизия «Бранденбург»

В «Общей инструкции», разработанной перед созданием батальона «Бранденбург» (в 1940 году он стал полком, а в 1942 году дивизией), его задачи определялись следующим образом: проводить операции там, где *«еще не»* начали действовать регулярные войска, или там, где они *«уже не»* в состоянии действовать.

Главный летописец дивизии «Бранденбург», бывший командир одного из ее полков, так комментирует инструкцию: «Эти *«еще не»* и *«уже не»* предполагали, что правила и законы войны не применимы к боевым операциям дивизии. Таких войск до этого никогда не знала германская армия»[5].

Итак, дивизия «Бранденбург» была призвана действовать, не считаясь с законами и обычаями войны. «Немецкие солдаты, — пишет тот же неизвестный автор, — одетые в форму противника, проникающие в ряды чужой армии, чтобы вести бои в ее тылу, — все это, конечно, не вязалось с обычными представлениями солдата о войне».

Однако организаторы дивизии с беспредельным цинизмом пытались возвести разбойничий статут дивизии в некий закон, сделать его нормой поведения войск в будущих войнах. Это хорошо поняли современные апологеты Канариса и его методов.

Авторы книги «Засекреченные, разочарованные и все же верные навек» (заголовок-то каков — одновременно и панегирик и программа!) оправдывают свое стремление возвеличить гангстерское войско Канариса следующими словами: «Метод глобального ведения войны с использованием переодетых в чужую форму войск, метод, разработанный Канарисом, призван играть в будущем гораздо более значительную роль, чем до сих пор».

Западногерманские милитаристы прямо предлагают опыт, накопленный дивизией «Бранденбург», будущим крестоносцам в «борьбе против коммунизма». Что же это за опыт?

Дивизия «Бранденбург» — первое в истории войско, сформированное как диверсионный отряд в основном из лиц чужой национальности или из лиц, хорошо знавших язык и обычаи стран, против которых готовилась агрессия. В 1940 году это формирование абвера, бывшее тогда еще полком, выглядело таким образом.

Батальон I дислоцировался в Бранденбурге. Он предназначался для действий «на восточном театре», в СССР. Батальон I частично состоял из лиц, проживавших ранее в

Советском Союзе, и имел в качестве командиров агентов абвера, которые выполняли шпионские задания на территории СССР. Это был самый многочисленный батальон. Он являлся ядром войска Канариса. После нападения нацистов на Советский Союз этому соединению были приданы «специальные» отряды — «Нахтигаль», «Бергман» и другие.

Батальон II, расположенный в Дюрене (Рейнская область), состоял из уроженцев Эльзаса, владевших французским языком, а также из французских, бельгийских и голландских предателей, завербованных либо в Германии, либо в самих этих странах. По сравнению с первым батальоном его операции носили ограниченный характер, но все же стоили немало жертв народам западноевропейских стран, составлявшим «зону их действия».

Батальон III был расквартирован в Бадене, неподалеку от Вены. Он проводил свои разбойничьи операции в Юго-Восточной Европе и соответственно был укомплектован лицами, знавшими языки народов этой части континента.

В ходе войны в дивизию «Бранденбург» были включены специальные формирования для действий в странах Ближнего и Среднего Востока и Южной Азии. Так были образованы «персидская» рота, «индийский», «афганский» и «германо-арабский» легионы.

Канарис уделял исключительное внимание дивизии «Бранденбург», пытаясь превратить ее в свою «лейб-гвардию». Он боролся против всяких попыток вывести ее из подчинения абверу. Только после ареста Канариса, в июле 1944 года, дивизия «Бранденбург» была переименована в гренадерскую танковую дивизию «Бранденбург» и включена в танковый корпус «Велико-Германия». Лишь отдельные соединения сохранили самостоятельность и по-прежнему использовались для выполнения диверсионных заданий.

Путь дивизии «Бранденбург» отмечен дикими зверствами и массовыми убийствами гражданского населения, разграблением и уничтожением огромных материальных и культурных ценностей. Всюду, куда ни ступала нога молодчиков из абверовской дивизии, совершались особо жестокие и коварные злодеяния. Самые страшные преступления творило «домашнее войско Канариса» (так называли его в абвере) на советской территории. Особенно зловещую память о себе оставили батальоны «Нахтигаль» и «Бергман».

Уже в 1940 году, когда гитлеровский генштаб окончательно разработал свой пресловутый план «Барбаросса» — план нападения на Советский Союз, — в абвере родился проект создания специального диверсионно-бандитского соединения,

которое должно было действовать на территории СССР. Его формирование началось в Крынице (Польша) уже в первые месяцы 1940 года. В это «дочернее» соединение дивизии «Бранденбург» набирались буржуазные украинские националисты и уголовники, группировавшиеся вокруг старого агента разведки Канариса Бандеры и бежавшие из Западной Украины после ее воссоединения с Советским Союзом.

«Скрепляющим материалом» в этой разношерстной банде служили агенты абвера. Шайку преступников назвали, словно в насмешку, батальон «Нахтигаль» («Соловей»).

Батальон, общей численностью примерно в тысячу человек, состоял из четырех рот и подчинялся второму отделу абвера. Идеологическим и политическим руководителем «Нахтигаля» стал Теодор Оберлендер. В 1940 году Оберлендер совмещал должности «сотрудника абвера-II» и «эксперта по вопросам Востока». Это один из тех сотрудников Канариса, которые были более удачливы, нежели сам адмирал. Оберлендер, бывший не только вдохновителем террора и репрессий, «теоретиком» наиболее гнусных методов ведения войны, диверсий и саботажа, но и непосредственным участником злодеяний, пришелся по душе боннским реваншистам и даже получил в послевоенной Западной Германии министерский портфель.

По свидетельству Леверкюна[6], одного из видных сотрудников Канариса, уже зимой 1940/41 года в лагере абвера Нойхаммер (неподалеку от Лигница) полным ходом шло обучение «вояк» из «Нахтигаля».

Полковник Эрвин Штольц, заместитель начальника абвера-II, 25 декабря 1945 года показал на суде в Советском Союзе:

«В марте или апреле 1941 года мой шеф начальник абвера-II полковник (ныне генерал) фон Лахузен вызвал меня в свой кабинет и сообщил, что вскоре состоится военное нападение Германии на Советский Союз. В связи с этим он приказал мне использовать все данные о Советском Союзе, которые находятся в распоряжении второго отдела, для необходимых мероприятий по саботажу против СССР.

Примерно в то же время Лахузен познакомил меня с приказом штаба фюрера, который содержал директивы для подрывной деятельности на советской территории после нападения Германии на Россию…

В этом приказе указывалось на то, что для поддержки блицудара против Советского Союза абвер-II должен развернуть подрывную работу против России с помощью сети доверенных лиц для разжигания национальной розни между народами СССР.

Кроме того, для военных действий на территории Советского

Союза предлагалось подготовить специальную военную часть — полк 800 дивизии «Бранденбург», который непосредственно подчинялся шефу абвера-II Лахузену.

Для выполнения этих задач полк, который состоял в основном из лиц немецкой национальности, но не немецкого подданства, должен был вопреки всем международным правилам ведения войны использовать военную форму и оружие противника для своей маскировки».

Уже из показаний Штольца видно, что абвер разработал обширную программу диверсионной работы на территории Советского Союза. Одна из важных составных частей этой программы была поручена батальону «Нахтигаль».

18 июня 1941 года, т. е. за четыре дня до нападения Гитлера на Советский Союз, батальон получил приказ подтянуться к советской границе.

Его расквартировали в 30 километрах от города Разымно. Здесь головорезы из «Нахтигаля», соответственным образом вымуштрованные, дожидались своего часа. 22 июня «Нахтигаль» вошел в Разымно, а через три дня двинулся по направлению к Львову…

Поистине кровавый и чудовищный путь батальона «Нахтигаль» начался с советского города Львова, куда он вступил утром 30 июня 1941 года.

Банды Канариса — Оберлендера вошли в город раньше эсэсовских частей и специальных команд СД. По существу, командование вермахта, что называется, выдало советский город на разграбление, уничтожение и поругание батальону «Нахтигаль». Головорезы из абверовского батальона были в форме фашистского вермахта, но с желто-голубыми полосками на погонах и с металлическим значком «трезуб».

Но предоставим слово документам…

Вот что говорится в «Сообщении Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков», представленном на пресс-конференции в Москве 5 апреля 1960 года:

«Как установлено расследованием, в первые же дни появления во Львове батальона «Нахтигаль» из его состава было выделено несколько особых групп, на которые возлагалась задача уничтожения советских работников, лиц еврейской и польской национальностей. Немецко-фашистские бандиты и их пособники руководствовались при этом списками намеченных для уничтожения жертв, заранее подготовленными во II отделе абвера в Кракове, референтом которого по украинским вопросам был Оберлендер.

По показаниям свидетелей, в городе Львове в эти дни гитлеровцами совершались массовые расстрелы мирного населения — женщин, детей и стариков, сопровождавшиеся издевательствами и истязаниями.

Так, на балконе оперного театра были повешены 12 советских граждан; на Стрелецкой площади на глазах жителей города расстреляны 15 человек; на углу улиц Дзержинского и Ивана Франко убиты старик и две женщины; на улице Зыбликевича был выброшен на мостовую из окна третьего этажа грудной ребенок; в район дрожжевого завода было вывезено на автомашинах большое количество людей, которых гитлеровцы уничтожили».

Семь дней бесчинствовал батальон «Нахтигаль» в городе. Пьяные орды вооруженных головорезов вламывались в квартиры, грабили, жгли, насиловали. Людей расстреливали сотнями, вешали целыми группами, сжигали заживо, закапывали в землю, забивали насмерть прикладами, травили овчарками.

В 1950 году газета «Берлинер цейтунг» опубликовала показания немецкого военнослужащего: «В июле 1941 года я служил в авиации и работал на аэродроме во Львове. Столовая нашей части размещалась у пожарного депо на Кадеттенберг. Сидя там, мы наблюдали следующее: у подножия одной из трехэтажных башен, которая служила для тренировок пожарной команды, в два ряда выстраивались солдаты — подручные палача обер-лейтенанта Оберлендера. Сквозь строй прогоняли пленных. Для тех, кому «везло», т. е. для тех, кого убивали до дверей башни, мучения кончались. Оставшихся в живых тащили наверх башни и заставляли выпрыгивать во двор. А потом приканчивали на земле…»

Как свидетельствуют факты, у командования батальона «Нахтигаль» был заранее продуманный и согласованный с высшими инстанциями план полного истребления коммунистов, советских патриотов и львовской интеллигенции, а затем и значительной части остального населения города. По словам одного из жителей Львова, в городе говорили в те страшные дни: «Гитлеровцы на завтрак едят евреев, на обед поляков, на ужин — украинцев».

Специально выделенные «легионеры» получили от Оберлендера списки с указанием адресов людей, предназначенных к уничтожению.

Как уже упоминалось выше, кровавую расправу фашистские палачи учинили над интеллигенцией Львова. Вот что рассказывал об этом Т. Сулим, бывший узник Освенцима и Маутхаузена: «В первые же дни оккупации по городу разнеслась весть о том, что гитлеровцами арестованы… видные ученые, литераторы, юристы

и медики… Стало известно, что их содержат в застенках бурсы Абрагамовича под охраной гитлеровцев и украинских националистов.

И вот мне лично пришлось быть свидетелем расстрела людей, содержавшихся гитлеровцами в бурсе Абрагамовича. В то время я проживал по улице Потоцкого, дом № 63, квартира 12, на 4-м этаже. 3 июля 1942 года, под вечер, из окон моей квартиры я увидел следующую картину: группа вооруженных солдат со стороны бурсы Абрагамовича вниз по Вулецкой горе вела под конвоем семь человек гражданских лиц, несших лопаты. Дойдя примерно до половины Вулецкой горы, конвоиры остановились и, как было видно по их жестам, заставили этих людей копать яму. Когда они выкопали могилу, я увидел, как фашисты расстреляли их, зарыли трупы и удалились в направлении бурсы Абрагамовича. В ночь с 3 на 4 июля я несколько раз слышал выстрелы и автоматные очереди, доносившиеся с Вулецкой горы.

На следующий день утром я встретил своего соседа, поляка по национальности, Пионтека Станислава и рассказал ему о происшедшем. Пионтек подтвердил, что он тоже все это видел и слышал и что прошедшей ночью гитлеровские варвары совершили чудовищное злодеяние над видными польскими учеными. «На склонах Вулецкой горы, — заявил со слезами старик Пионтек, — фашистские палачи расстреляли цвет польской интеллигенции»».

В июле во Львове были убиты 34 известных ученых; среди них люди с мировыми именами: профессор политехнического института, бывший премьер-министр Польши Казимир Бартель, профессор литературы Бой-Желенский, профессор математики Ломницкий, профессор Вайгль, профессор Гилярович, профессор Домасевич, профессор медицины Ренский, профессор Островский, ректор Львовского университета, профессор медицины Сарадский, академик математик Стожек, профессор Пилат и многие другие.

За первые семь дней хозяйничанья батальона «Нахтигаль» во Львове он вместе с вошедшими вслед за ним частями СД и СС уничтожил до 5 тысяч человек.

На этом кровавый путь «Нахтигаля» отнюдь не закончился. Батальон направился в город Злочев, откуда часть преступников двинулась на Тернополь, Сатанов, Михамполь, Юзвиц, а другая — в Проскуров и Винницу. И в этих городах кровь лилась рекой, совершались леденящие душу злодеяния.

Доктор Отто Корфес, в прошлом генерал-майор, командир 295-й дивизии, рассказал о чудовищной резне в городе Злочеве:

«3 июля 1941 года в 2 часа ночи я вошел в город Злочев; ко

мне подбежал офицер связи батальона, имя которого я не могу сейчас припомнить, и сообщил, что в цитадели Злочева происходит ужасающая резня. Там идет массовое уничтожение гражданского населения. Вместе с моим адъютантом обер-лейтенантом Хуаром я немедленно направился к цитадели. Рвы справа и слева от моста были забиты трупами… Мы вошли в цитадель. Внутренний двор ее кишмя кишел немецкими солдатами, которые безмолвно смотрели в одном направлении… Мы протиснулись сквозь толпу…

В большом рву, примерно в 5 метров глубины и в 20 метров ширины, стояли и лежали мужчины, женщины и дети; их было человек 60—80. Я слышал плач и крики детей и женщин. Ручные гранаты рвались прямо среди них. За рвом толпилось еще много сотен людей, согнанных для уничтожения. Перед рвом лежали штабеля трупов. За ними лицом ко рву медленно двигалось 10—12 человек в штатской одежде; некоторые из них были увешаны ручными гранатами. Другие держали в руках лопаты, топоры и крюки. Я увидел среди них несколько эсэсовцев».

Звери в штатском были молодчиками из «Нахтигаля». После пятимесячной переподготовки в лагере абвера Нойхаммер «Нахтигаль» направили в Белоруссию, в район Лепеля — Витебска. И вновь за бандитами в гитлеровской форме с желто-голубыми полосками на погонах потянулся широкий кровавый след…

В конце 1941 года руководители абвера решили сформировать второе диверсионно-карательное соединение типа «Нахтигаль». Гитлер в это время разрабатывал планы «покорения» Кавказа. И тут Канарис, который, как фокусник из рукава, вытаскивал все новые и новые проекты, преподнес фюреру идею создания батальона усмирителей для действий на Кавказе. «Кавказский» батальон Канариса был назван «Бергман» («Горец»). Его командиром был назначен все тот же «знаток» восточного вопроса Теодор Оберлендер.

Батальон «Бергман» состоял из немецких фашистов, оголтелых белоэмигрантов, предателей родины, которых абвер собирал по всей Европе; часть состава батальона сотрудники Канариса вербовали в лагерях для советских военнопленных.

Обратимся к уже цитированному выше сообщению Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков.

«Преступно нарушая международные конвенции и обычаи ведения войны, Оберлендер и его ближайшие помощники объезжали лагеря военнопленных и, пользуясь тем, что истощенные голодом и пытками люди потеряли способность к

сопротивлению, под угрозой физического уничтожения зачисляли их в батальон «Бергман», а затем принуждали к принятию присяги на верность Гитлеру».

Быть может, некоторые апологеты Канариса скажут сейчас, после 20 с лишним лет, прошедших с того времени, что шеф абвера, мол, не принимал непосредственного участия в создании батальона «Бергман». Что абверовцы, мол, превысили свои полномочия и что Канарис вовсе не ведал, что они творят.

Однако существуют совершенно неопровержимые факты, показывающие обратное. Канарис лично давал инструкции Оберлендеру комплектовать «Бергман» в лагерях для военнопленных. Шеф абвера собственной персоной проводил смотр диверсантско-шпионского подразделения. В Люстензее, под Миттельвальдом, он принимал парад батальона, а потом пировал вместе с верхушкой диверсантов и предателей в офицерском казино. По свидетельствам очевидцев, Оберлендер представлял Канарису своих офицеров, а адмирал говорил им напутственные слова. Мы видим, что и в данном случае абвер действовал не по собственному разумению, а согласно точным, заранее разработанным инструкциям своего шефа. Свидетель Окропидзе, выступавший на пресс-конференции в Москве 5 апреля 1960 года, сказал: что «приказ о создании этого подразделения» (батальона «Бергман». — *Авт.*) Оберлендер «получил непосредственно от шефа абвера — адмирала Канариса, для чего специально выезжал в Берлин и Бреслау. Командиром «Бергмана» Оберлендер был назначен адмиралом Канарисом». Имеется также множество свидетелей, которые своими глазами видели Канариса на смотре и параде в Люстензее…

В июне 1942 года «Бергман» (в составе 1100—1200 человек) был направлен на советско-германский фронт. Однако батальон не использовали в боях. Ему поручили карательные набеги на мирных жителей, советских патриотов, казни, расправы.

Абверовское подразделение многократно «меняло фасад». Еще в период обучения батальона в лагере Люстензее Оберлендер письменным приказом объявил о том, что всему составу «Бергмана» запрещается выдавать свою национальность. Сначала батальон замаскировали под испанскую часть. На Кавказе бергманцы были облачены в форму «африканского» корпуса Роммеля. В Крыму их переодели в мундиры немецких горных егерей, в Греции, куда батальон был направлен после разгрома фашистских войск на территории Советского Союза, — снова в форму роммелевских вояк.

Но это, разумеется, не меняло существа дела — батальоны абвера всюду и везде выполняли палаческие функции.

На Кавказе в составе батальона «Бергман» были созданы два кавалерийских эскадрона. Уже сам по себе батальон являлся карательной командой, два же эскадрона были своего рода зондеркомандо в …зондеркомандо. Они совершали чудовищные зверства.

Полный список злодеяний батальона «Бергман» занял бы много страниц… Мы перечислим только некоторые из них.

В Пятигорске каратели из «Бергмана» уничтожили госпиталь вместе с находившимися там ранеными советскими военнослужащими.

В Нальчике батальон убил сотни невинных людей.

Эскадроны «Бергмана» выезжали в кабардинские и балкарские аулы, где по специально заготовленным спискам «выявляли» и уничтожали коммунистов, советских работников, семьи партизан.

В станицах Удобной, Отрадной и Упорной под видом борьбы с партизанами палачи из «Бергмана» расстреливали всех, кто попадался им под руку.

В Кисловодске немецкие офицеры батальона во главе с Оберлендером ночью после очередной попойки отправились в городскую тюрьму и, озверев, начали мучить и убивать арестованных.

В конце 1942 года, отступая вместе с другими частями фашистской армии, батальон «Бергман» угонял с Северного Кавказа военнопленных и гражданское население. Тех, кто сопротивлялся, расстреливали на месте без суда. Фашистские каратели уничтожали также больных и слабых. Дороги от Моздока и Минеральных Вод до Тамани были усеяны трупами.

Отступая из Нальчика, эскадроны «Бергмана» взрывали школы и больницы.

По дороге от Пятигорска к Керченскому проливу палачи из «Бергмана» гнали перед собой несколько тысяч военнопленных. Их почти не кормили, держали на привалах под открытым небом, несмотря на холод и проливные дожди. Каждый день сотни людей падали замертво. А по утрам Оберлендер и его приспешники проводили «чистку» — расстреливали ослабевших людей.

На станции Тимашевской при отступлении батальона была взорвана водонапорная башня вместе с находившимися на ней ремонтными рабочими.

На всем пути следования абверовские каратели грабили имущество советских граждан и вывозили награбленное в Германию. Сам Оберлендер переправил из России в Германию дорогие ковры и картины, старинное оружие и мебель.

После Кавказа части батальона «Бергман» были переброшены

в Крым. И там абверовские бандиты уничтожали военнопленных и мирное население, со зверской жестокостью расправлялись с партизанами…

В приговоре Международного военного трибунала по делу главных немецких военных преступников указывается:

«…на Востоке массовые убийства и зверства совершались не только в целях подавления оппозиции и сопротивления германским оккупационным властям. В Польше и Советском Союзе эти преступления являлись частью плана, заключавшегося в намерении отделаться от всего местного населения путем изгнания и истребления его для того, чтобы колонизировать освободившиеся территории немцами».

Этот чудовищный план стремился претворить в жизнь и шеф абвера руками бандитов и убийц из батальонов «Нахтигаль» и «Бергман».

Международная сеть Канариса

Любовь к географическим символам была общей для многих главарей фашистского рейха. Известно, что географические атласы, глобусы, карты как магнит притягивали Гитлера. Он любил сниматься на их фоне — то в позе завоевателя, то в позе стратега, склонившегося над оперативными схемами будущих походов. Эта же страсть обуревала и Канариса.

В кабинете адмирала, пишет один из его друзей, висела «большая карта мира. Это была карта всей земли, ибо интересы человека, работавшего в абвере, не укладывались в рамки одной лишь Германии или Европы, а распространялись на все страны земного шара». Мы не знаем, были ли обозначены на карте мира, висевшей в кабинете Канариса, опорные пункты абвера в различных странах. Но такая карта хранилась в сейфе адмирала, и Канарис из месяца в месяц, из года в год наносил на нее все новые и новые знаки: красные треугольники, обозначавшие основные базы нацистской разведки в зарубежных странах (КО), кружки такого же цвета там, где располагались их филиалы, синие треугольники — центры «пятых колонн», синие кружки — районы действий главных резидентов абвера. И наконец, сотни флажков — красных и синих — в портах, на железнодорожных узлах, в городах и селениях, где сидели агенты абвера.

Международная агентура Канариса была многослойна и многолика. Ее верхушку составлял круг личных друзей и доверенных лиц Канариса, занимавших важнейшие государственные посты в оккупированных гитлеровцами странах. Они служили опорой честолюбивых замыслов Канариса, важными рычагами его международного влияния.

Но одновременно эти «избранные лица» доставляли адмиралу немало хлопот и беспокойства. Выдвижение их на ключевые позиции отнюдь не всегда проходило гладко; такие главари рейха, как Гиммлер и Розенберг, предлагали свои контркандидатуры. К тому же, достигнув высокого положения, тот или иной агент порой проявлял излишнюю строптивость (Канарис называл это «неблагодарностью»). Но большинством этих людей начальник абвера дорожил и с их помощью строил разведывательную сеть в Европе.

Ниже их в «разведывательной иерархии» адмирала размещался менее заметный, но отнюдь не менее влиятельный круг людей, занимавших руководящие посты в разведывательных службах иностранных государств. Нередко это были начальники разведок, работавшие на Канариса, иногда руководители отделов

или просто видные сотрудники центральных аппаратов иностранной разведки. Этот круг лиц тоже находился в личном ведении начальника абвера. С ними Канарис регулярно встречался с глазу на глаз, совместно разрабатывал сложные операции. С их помощью сколачивал своеобразный «союз разведок», какого еще не знала история. И в замыслах адмирала этот союз занимал огромное место.

Еще один слой международной агентуры Канариса состоял из особо доверенных агентов, выполнявших наиболее секретные поручения начальника абвера. Их было немного, но в табеле о рангах фашистской разведки они занимали почетное место и составляли своего рода элиту.

К ним, в частности, относился загадочный барон Ино. Настоящая фамилия этого человека, который оказывал влияние на Канариса и выполнял самые доверительные его поручения, так и осталась невыясненной. Он исчез бесследно, и ни один из многочисленных исследователей деятельности Канариса не сумел напасть на его след. Известно лишь, что Ино был «левантийцем», подданным Турции, и действовал главным образом на Ближнем Востоке.

Наконец, основанием «пирамиды» служила масса рядовых разведчиков: пестрая компания предателей и авантюристов из различных стран, которые в погоне за деньгами и в надежде на быструю и легкую карьеру поступили в услужение к Канарису. При отборе этих лиц существовал лишь один критерий — готовность идти на любое преступление, совершать диверсии и т. д.

Однако вернемся к карте, которая хранилась в сейфе Канариса. Проследим, как появились на ней значки синего и красного цвета, что за ними скрывалось и что они обозначали в шпионской «империи» Канариса.

…Март 1936 года. Из Лас-Пальмас, на Канарских островах, отправляется самолет немецкой компании «Люфтганза» в Тетуан — главный город Испанского Марокко. На борту самолета помощник резидента абвера на Канарских островах Ниман и молодой командующий испанскими войсками, друг Канариса и доверенное лицо абвера в Испании еще со времен первой мировой войны. Их встречает Лангенхейм, резидент абвера в Испанском Марокко. О прибытии самолета он сразу же сообщает в Берлин.

Для обеспечения безопасности прибывших верховный комиссар Испании в Марокко Антиенца, тесно сотрудничавший с абвером, под предлогом проведения маневров стянул значительные воинские силы к Тетуану. По-видимому, Берлин

придавал большое значение миссии командующего испанскими войсками на Канарских островах.

В ответ на сообщение о прибытии самолета в Тетуан Канарис телеграфирует, чтобы Лангенхейм срочно прибыл в Берлин. После совещания в резиденции абвера Лангенхейм и Канарис отправляются к Герингу.

Тот выслушивает посетителей с большим интересом и обещает немедленно доложить Гитлеру об их предложениях. Через несколько дней получено одобрение фюрера. Канарису выделяют две эскадрильи военно-транспортных самолетов, замаскированных под гражданские машины, совершающие регулярные торговые рейсы. В строгой тайне их переправляют в Тетуан. Часть из них принимает на борт воинские подразделения гарнизона Лас-Пальмас, другая — марокканских солдат, находившихся под командованием Антиенца.

Во главе войск встает офицер, переброшенный Канарисом из Лас-Пальмаса в Тетуан. Имя его — Франциско Франко.

Назначению Франко предшествовала интенсивная закулисная борьба в Берлине. Первоначально командующим мятежными войсками в Испании должен был стать эмигрировавший в Португалию контрреволюционный генерал Санхурхо. Но при перелете из Лиссабона в Севилью Санхурхо погиб. Надо было срочно найти замену. И тут Канарис, проявив оперативность и настойчивость, добился назначения старого друга абвера Франко.

Франко избрал своим опорным пунктом Севилью. Сюда из Марокко на немецких самолетах и под руководством офицера абвера Гейнихена переправили первые контрреволюционные отряды, которые вскоре были брошены на удушение Испанской республики.

Роль абвера в гражданской войне в Испании широко известна. Он был одним из главных организаторов варварского истребления гражданского населения при бомбардировке Герники и расправы с испанскими республиканцами в Севилье, Кордове и других городах.

Под руководством Канариса формировался и действовал пресловутый легион «Кондор» — эскадрильи самолетов, пилотируемые отборными фашистскими асами.

«С образованием легиона «Кондор», — пишет Леверкюн, — в Испании была создана прочная база абвера, преобразованная после гражданской войны в КО. Во время последней войны этот филиал приобрел для абвера огромное значение. Местные отделения КО были созданы в Сан-Себастьяне, Барселоне, Алхесирасе и в Тетуане, т. е. в Испанском Марокко».

Канарис сыграл важнейшую роль не только в осуществлении

планов немецкой интервенции в Испании, но и в организации вмешательства Италии в испанские дела. Именно он по поручению Гитлера отправился в Рим, чтобы совместно со своим другом и начальником итальянской разведки Роатта разработать план участия Италии в интервенции и добиться принятия этого плана Муссолини. Так, вслед за немецкими интервентами против Испанской республики были брошены наемники дуче.

В результате Испания стала одним из основных опорных пунктов абвера за рубежом, центром шпионской деятельности фашистского рейха. К числу близких людей Канариса в Испании относился не только каудильо, но и министр иностранных дел Жордана, генералы Вигон, Рокамара и другие.

Канарис часто заезжал в Испанию и чувствовал себя там, по отзывам его сотрудников, «как дома». Он даже подумывал о возможности бежать в Испанию в случае поражения рейха. Однажды, проезжая по стране, адмирал полушутя спросил сопровождавшего его сотрудника мадридского филиала абвера: «Интересно, во сколько бы мне обошлось небольшое поместье в каком-нибудь живописном уголке Испании?» Испанский агент Канариса, сразу же уловив ход мыслей своего шефа, ответил: «Вы могли бы здесь поселиться после войны, господин адмирал».

Шел 1943 год, катастрофа фашистской Германии была уже не за горами. Начальник отдела абвера-I Пикенброк, сидевший в машине рядом с Канарисом, решил внести в беседу реалистическую струю: «Вы хотите здесь поселиться после войны, ваше превосходительство?.. Думаю, это напрасные хлопоты: после войны всех нас…» — и Пикенброк сделал красноречивый жест, показав, как петля затягивается вокруг горла.

Канарис нахмурился. На испанский плацдарм он возлагал особые надежды на случай краха фашистской Германии. Действительно, филиал абвера в Мадриде формально продолжал существовать до самого подписания официального акта о капитуляции Германии, а фактически не прекратил своей деятельности и позднее, обеспечив убежище многим фашистским преступникам, в том числе эсэсовскому генералу Скорцени. Но Канарису уже не пришлось воспользоваться услугами созданного им испанского бастиона реакции…

А теперь перенесемся с южного опорного пункта абвера к северному — в Норвегию. На карте Канариса Норвегия занимала не последнее место.

Почва для деятельности абвера была здесь подготовлена задолго до начала войны. Центральными фигурами среди ставленников Канариса в Норвегии являлись два фашиста: Видкун Квислинг и его друг и единомышленник Гарис Ааль.

Первые контакты Квислинга с абвером относятся к началу 30-х годов. Связь эта была закреплена сразу же после назначения Канариса начальником абвера. А когда Гитлер распространил свои агрессивные планы на Северную Европу, Канарис вспомнил о своем старом сотруднике.

В октябре 1939 года военно-морской атташе Германии в Осло Шрейбер вошел в контакт с Квислингом, а 10 декабря тот уже прибыл в Берлин. Квислинг привез с собой подробный план организации фашистского путча в Норвегии при поддержке немецких военных кораблей. Согласно этому плану большая группа норвежских агентов должна была пройти курс обучения в специальных лагерях абвера и вместе с опытными немецкими диверсантами совершить переворот в Осло. По сигналу из центра надлежало захватить ключевые пункты в норвежской столице. В это же время немецкая эскадра должна была войти в Осло-фиорд и в случае необходимости поддержать путч. После переворота Квислинг намеревался провозгласить себя главой норвежского правительства.

11 декабря план Квислинга был доложен Гитлеру. А через два дня фюрер отдал приказ подготовить операцию «Везерюбунг» — план оккупации Норвегии.

14 декабря был создан «особый штаб» для разработки операции. В него включили сотрудника Канариса Франца Лидига.

Немаловажная роль в подготовке захвата Норвегии отводилась Квислингу (кстати, он получил от гитлеровцев 100 тысяч марок), 21 февраля 1940 года один из уполномоченных Розенберга, Шейдт, донес своему шефу: «По моему совету и по просьбе немецкого военно-морского атташе (сотрудника абвера. — *Авт.*) Квислинг в настоящее время организует разведывательную сеть на норвежском побережье, привлекая для этого членов своей партии… По мере возможности он стремится завербовать на каждом судне агента, который и будет передавать необходимую информацию. Сообщения, представляющие для нас интерес, впредь будут передаваться Квислингом немецкому военно-морскому атташе…»

В конце марта в Норвегию прибыл сам Канарис. Соблюдая строжайшую конспирацию, он встретился с Квислингом. Было решено создать широкую агентурную сеть во всех важнейших портах страны. Агенты Квислинга — Канариса должны были поддерживать постоянную связь с Берлином и передавать подробнейшие сведения о передвижениях норвежских войск и судов. Одновременно начальник отдела II Лахузен вел переговоры с доверенным лицом Квислинга Аалем. Между ними было достигнуто соглашение о создании специальных диверсионных

отрядов для захвата ключевых позиций в стране накануне вторжения немецких войск. В конце марта к Аалю прибыл немецкий инструктор для обучения диверсантов.

4 апреля в Норвегию отправился начальник отдела I абвера Пикенброк. В тот же день он встретился с Квислингом, чтобы уточнить кое-какие детали перед вторжением. А тем временем из немецких портов уже вышли военные корабли и взяли курс к берегам Норвегии. 9 апреля гитлеровские войска во взаимодействии с диверсионными группами абвера захватили Осло, Нарвик и некоторые другие порты. Норвегия оказалась под фашистской пятой. Премьер-министром стал Видкун Квислинг. Этот предатель норвежского народа, имя которого стало синонимом измены своей родине, был «человеком Канариса».

В период нацистского господства в Европе на поверхность политической жизни в оккупированных странах всплыло немало авантюристов и изменников, которых называли собирательным именем: квислинги. Большинство из них были агентами Канариса.

…Патер Тисо — словацкий фашист, агент немецкой разведки, официально зарегистрированный в мюнхенском филиале абвера, помог ведомству Канариса подготовить одну из самых гнусных провокаций времен второй мировой войны, направленную против Советского Союза.

В июне 1941 года с аэродромов Южной Словакии под покровом ночи поднялись самолеты без опознавательных знаков и сбросили смертоносный груз на венгерские города, расположенные у границ Советского Союза. В результате этой варварской бомбардировки, организованной разведками Германии и Венгрии при поддержке Тисо, венгерское гражданское население понесло немало жертв. Но такого рода «мелочи» не смущали шефа абвера и его сотрудников. Они считали, что их акция удалась. Ведь бандитский налет самолетов без опознавательных знаков был выдан… за налет советской авиации на венгерские города. Венгерское правительство Хорти использовало эту провокацию как повод для вступления в войну с Советским Союзом на стороне гитлеровской Германии.

…С лидером голландских фашистов Муссертом агенты абвера вступили в контакт в январе 1940 года. Накануне нападения гитлеровских войск на Голландию к нему отправился представитель абвера Шейерман. Муссерт заверил Шейермана, что «он и его люди будут сражаться на стороне немцев с оружием в руках… В случае вступления немцев в Голландию они учтут опыт Квислинга». Муссерт просил передать Канарису, что в его распоряжении имеется организация численностью в 50 тысяч

человек. Донесение Шейермана Канарису датировано 9 мая — днем вторжения фашистских войск в Голландию.

Шеф абвера, конечно, не преминул воспользоваться услугами Муссерта. В его лице он имел агента, занимавшего высший правительственный пост в оккупированной Голландии.

Бельгийский коллаборационист и агент абвера Став де Клерк был руководителем фламандских фашистов и числился в списках доверенных лиц немецкой разведки еще со времени немецкой оккупации Бельгии в период первой мировой войны. Он получал ежемесячные субсидии от абвера. Под наблюдением людей Канариса Став де Клерк создал подрывные группы в бельгийской армии. Накануне вторжения к нему прибыл все тот же агент абвера Шейерман и договорился с ним о помощи германским войскам. В дальнейшем Став де Клерк занимал ответственные посты в бельгийском управлении. Он был основной политической опорой Канариса в Бельгии.

И наконец упомянем о связях абвера с главарем фашистов в Судетской области Генлейном. Работой Генлейна непосредственно руководил отдел II абвера. Накануне оккупации Чехословакии к Генлейну был прикомандирован начальник этого отдела (предшественник известного уже нам Лахузена) майор Гросскурт. Совместно с Генлейном они создавали диверсионные группы, которые должны были действовать в тылу чехословацкой армии после вторжения немецких войск. Оружие им перебросили из Германии. Гросскурт оставался на своей нелегальной квартире в Судетской области в течение всего «чехословацкого кризиса», чтобы совместно с Генлейном руководить деятельностью диверсионных отрядов.

Как известно, западные державы выдали Чехословакию Гитлеру, лишив чехословацкий народ возможности дать отпор оккупантам. Диверсионные группы Гросскурта — Генлейна были переброшены в Германию, сконцентрированы в учебном лагере абвера в Бранденбурге и составили ядро будущей дивизии «Бранденбург». А Генлейн, назначенный гаулейтером Судетской области, оставался агентом Канариса и доверенным лицом его ведомства.

Франко, Квислинг, Муссерт, Генлейн были тесно связаны с абвером. Но наряду с такими фигурами в «лисьей норе» высоко котировались хотя и менее заметные, но зачастую не менее влиятельные закулисные деятели ряда европейских стран — главы или руководящие работники иностранных разведывательных служб.

Наиболее разительным примером в этом отношении может служить история Лахузена. В течение многих лет Лахузен

руководил отделом в австрийской военной разведке, которая обязана была следить за происками гитлеровцев, готовивших нападение на Австрию. Фактически же она превратилась в один из основных центров подготовки аншлюса.

Под руководством Лахузена были созданы ударные отряды, помогавшие гитлеровскому ставленнику Зейссу-Инкварту захватить власть в Австрии. Лахузен оказал такие важные услуги фашистской Германии, что Канарис перевел его в центральный аппарат абвера в Берлин. Таким образом, Лахузен прямо пересел в кресло разведки той державы, которая совершила агрессию против его родной страны. Он стал начальником важнейшего отдела абвера — отдела II и пользовался особым доверием и расположением Канариса. Такими людьми Канарис дорожил.

Когда после фашистского переворота, организованного Антонеску в Румынии в июне 1940 года, был смещен, а затем арестован руководитель сигуранцы (румынской разведки) Морузов, близкий Канарису человек, разделявший его планы объединения разведок европейских стран под эгидой абвера, адмирал отправился в Бухарест к румынскому диктатору, чтобы потребовать освобождения и восстановления в должности своего коллеги.

Антонеску обещал заняться делом Морузова и «обеспечить его безопасность». Однако на следующий день Канарис узнал, что его провели: Морузов убит в тюрьме членами «железной гвардии», т. е. румынскими эсэсовцами. Шеф абвера не простил Антонеску этого обмана. Где только мог, он ставил палки в колеса румынскому диктатору. «С Антонеску, — сказал он как-то на официальном совещании в абвере, — мы не должны больше иметь никаких дел».

«Своих людей» Канарис имел в разведках многих государств Европы. Особо следует отметить тесные связи адмирала с руководителями разведывательных служб Испании, Италии и Венгрии.

Налаживая тесные связи с разведывательными службами стран, входивших в гитлеровскую коалицию или примыкавших к ней, Канарис преследовал цель двоякого рода: во-первых, укрепить господство монополистического капитала Германии над этими странами, еще крепче привязать их к германскому рейху; во-вторых, усилить позиции абвера в фашистской империи, повысить его роль и создать тайный блок империалистических разведок в Европе, который мог бы пережить все превратности войны и служить на всех поворотах истории верным оружием в руках господствующих классов в борьбе против пролетариата и социализма.

Эти цели проливают свет на взаимоотношения Канариса с руководителями разведывательных служб ряда «дружественных» Германии государств. Канарис не останавливался перед тем, чтобы при случае вступать в сговор с ними за спиной гитлеровского правительства. Но при этом он стремился, применяя более гибкие, чем фюрер, методы, удержать эти государства в фарватере фашистской политики и добиться их объединения под антикоммунистическим знаменем для борьбы против Советского Союза.

Приведем несколько примеров, показывающих, как тесно было связано ведомство Канариса с разведками других империалистических стран.

…Декабрь 1940 года. Адмирал по поручению Гитлера едет в Испанию, чтобы склонить каудильо к вступлению в войну на стороне Германии и сообщить ему план захвата Гибралтара. Согласно сведениям Черчилля, изложенным в его мемуарах, Канарис имел в своем портфеле точный план проведения операции: 10 января 1941 года германские войска должны были перейти испанскую границу «по просьбе» испанского диктатора, а 30 января начать штурм Гибралтарской крепости.

Операция против Гибралтара (она получила условное название «Изабелла-Феликс») тщательно подготовлялась абвером. Еще летом 1940 года были созданы оперативные штабы для руководства захватом Гибралтара, и в начале декабря Канарис лично отправил персонал этих штабов из Бордо в Севилью, где находился основной плацдарм для подготовки операции. В районе Бордо и в городе Эндей абвер сосредоточил 60 тысяч тонн боеприпасов и горючего для снабжения войск, предназначенных к переброске в Испанию. Сюда же прибыл главнокомандующий операцией «Изабелла-Феликс» генерал Бласковиц.

Обо всем этом Канарис собирался доложить каудильо и согласовать с ним сроки проведения операции. Но до встречи с Франко он провел совещание с начальником испанской разведки генералом Виго. Последний заявил ему, что разведка и генеральный штаб возражают против вступления Испании в войну с Англией. Они считают, что это поставит под удар режим Франко, может привести к его свержению и в конечном итоге лишь усложнит положение самой Германии. Франко колеблется, и Канарис не должен оказывать нажима на каудильо, ибо это, мол, противоречит интересам господствующих классов обеих стран.

Так было заключено «джентльменское соглашение» между двумя разведками, о котором не знал даже Гитлер. Канарис не только не нажимал на каудильо, но проявил сверхчуткость к его

аргументам. Он составил подробный меморандум Гитлеру, в котором представил аргументацию Франко в самом выгодном свете. После этого связи между разведками двух фашистских стран еще более укрепились.

Канарис чувствовал себя «как дома» и во II бюро венгерского генерального штаба, возглавлявшегося полковником Хеннем. Сотрудник II бюро Шентпетери был близким человеком адмирала. Во время посещений II бюро Канарис иногда позволял себе даже политические вольности. Однажды во время очередного визита в Венгрию он заявил: «Войну мы ведь уже проиграли». За такие слова в рейхе снимали голову. В свою очередь, венгерские разведчики «доверяли» Канарису самые сокровенные государственные тайны. От венгерских разведчиков Канарис, в частности, узнал об антинемецких настроениях в руководстве венгерской армии.

Но наиболее тесные отношения связывали Канариса с руководителями итальянской разведки, пресловутой СИМ (сервицио информационе милитаре — служба военной информации). До войны ее начальником был полковник Роатта, с которым у Канариса был налажен тесный контакт. От него, в частности, абвер узнал подробности переговоров между начальником австрийского генерального штаба Янза и итальянским правительством о совместных действиях в случае немецкого вторжения в Австрию (это было до оформления «оси Рим — Берлин», когда Италия еще не определила окончательно свою позицию).

Во время войны начальником СИМ был назначен полковник Амэ. Руководители абвера и СИМ регулярно встречались в Италии и Германии, даже вместе отдыхали, обменивались секретной информацией. Амэ подробно сообщал своему германскому коллеге о заговоре против Муссолини, который назревал в итальянской армии. Накануне свержения Муссолини, в июле 1943 года, адмирал получил сведения о готовящемся перевороте. Канарис, в свою очередь, сообщил Амэ о гитлеровском плане похищения итальянского короля и некоторых высших сановников двора, а также правительства, сформированного после падения дуче.

Известны любопытные детали о встрече Канариса с Амэ в Венеции в августе 1943 года. Она состоялась в отеле «Даниэли», где обычно останавливался адмирал. Канарис нуждался в сведениях о замыслах нового главы правительства Бадольо, а Амэ был заинтересован в информации о реакции в Берлине на свержение Муссолини. Канарис привез с собой своих близких сотрудников — Лахузена и Фрейтага-Лорингхофена. Амэ тоже

приехал со свитой.

С большими предосторожностями была устроена беседа с глазу на глаз: Амэ передал Канарису сведения о подготовке Италии к разрыву со своим союзником, а Канарис сообщил о планах похищения короля. После этого оба разведчика в целях маскировки истинного содержания переговоров решили устроить своеобразную демонстрацию. Они собрали своих сотрудников и выступили перед ними с официальными заявлениями: Канарис в высокопарных выражениях заверил итальянцев в решимости Германии поддержать новое правительство, а Амэ заявил, что Италия по-прежнему верна идеям «оси». Демонстрация спасла Канариса от обвинения в государственной измене, выдвинутого гестапо в связи с его переговорами с Амэ.

Платформой для объединения империалистических разведок Канарис считал антикоммунизм. Ненависть ко всему прогрессивному, и прежде всего к социализму, определяла его поступки на протяжении всей жизни. Уже первые шаги карьеры двуликого адмирала были отмечены этой патологической ненавистью. Именно тогда, отмечал Леверкюн, «сложились его антикоммунистические убеждения, которым он остался верен в течение всей своей жизни».

Кровавую расправу с Испанской республикой, расстрелы героев Сопротивления во Франции и других странах Европы, зверства дивизии «Бранденбург» на советской территории — все это Канарис обосновывал и оправдывал необходимостью борьбы против коммунизма. Еще задолго до начала второй мировой войны шеф абвера, налаживая связи с зарубежными разведывательными службами (в том числе с английской разведкой Интеллидженс сервис и американской — Си-Ай-Си), выдвигал на первый план совместные задачи «борьбы с большевизмом».

Об участии абвера в попытках заключить сепаратный мир между Германией и англосаксонскими странами и повернуть весь фронт империализма на борьбу против Советского Союза пойдет речь ниже. Здесь хотелось бы лишь отметить, что, по убеждению Канариса, инициаторами такого союза должны были выступить разведывательные службы рейха и главных западных стран — США и Англии. И нужно сказать, что клич Канариса о создании единого «антибольшевистского фронта» был услышан многими руководителями западных разведок, и прежде всего небезызвестным Алленом Даллесом.

Цена просчета

Сотрудники абвера нередко называли Канариса мистификатором.

Притворство было его второй натурой. И особенно явственно проявились основные свойства характера адмирала — двуличность, ханжество, страсть к притворству и мистификациям — в то время, когда он писал свой дневник.

Канарис начал вести его в годы своего могущества, когда казалось, что все его замыслы осуществились, а положение незыблемо. И вот на вершине славы двуликий шеф абвера решил создать документ, который показал бы, что он не просто верный помощник фюрера во всех его планах и начинаниях, а совсем особая фигура, не имеющая ничего общего с другими главарями фашистской империи. «Дневник Канариса, — говорит его биограф Абсхаген, — был предназначен для потомства и имел целью дать отчет о его планах и думах перед грядущими поколениями».

В действительности это был дневник человека с двойным дном, человека, который всегда хотел иметь запасной выход.

День за днем вносил Канарис в свой дневник все, что могло бы оправдать его дела и действия на случай падения фашистского режима. Он писал его в одном экземпляре, но не хранил в тайне, а давал читать и даже переписывать «избранные места» своим подчиненным.

Начиная с марта 1943 года генерал Остер — один из деятелей верхушечной оппозиции против Гитлера — переписывал дневниковые записи своего шефа. Он хранил эти записи в несгораемом шкафу кабинета в Цоссене, куда была перенесена штаб-квартира абвера в начале 1943 года. Вследствие этого часть записей Канариса после ареста Остера попала в руки гестапо, т. е. как раз тех людей, которым они не предназначались.

По наиболее распространенной версии, большинство дневников было вывезено доверенным лицом адмирала, офицером, фамилия которого осталась неизвестна, в надежное место, далеко от фашистской столицы (офицер закопал его в саду как самый ценный клад). Однако 20 июля 1944 года его самого арестовали. Жена офицера в страхе выкопала и уничтожила дневник[7].

Таким образом, акция Канариса с дневником окончилась крахом. Дневник не только не сослужил ему службу, но помог его врагам разделаться с опасным для них соперником.

Эсэсовец Хуппенкотен на процессе в 1951 году заявил, что, когда Гитлеру представили те страницы дневника, которые были

найдены в Цоссене (речь идет о тексте дневника за период с марта 1943 года по июнь 1944 года), с ним случился нервный припадок. Гиммлер велел переправить дневник вместе с некоторыми другими сверхсекретными бумагами СД в замок Миттервиль (Австрия), где был устроен тайник гестапо. Дневник Канариса, как и другие документы, спрятанные в гестаповском тайнике, охранялись целым батальоном войск СС. Перед крушением фашистского рейха по приказу Гиммлера все эти бумаги были сожжены.

Никто из очевидцев сцены чтения Гитлером дневника не сообщил, чем был так потрясен фюрер. А гестаповские следователи, разбиравшие «дело 20 июля», не читали дневника: Гитлер распорядился, чтобы он был изъят из материалов следствия, и запретил знакомить с ним даже высших служащих гестапо. Это дало повод к тому, чтобы вокруг дневника возникли самые фантастические слухи. За гаданиями о том, что бы мог написать начальник абвера, западные публицисты совершенно «забыли» о делах адмирала…

По-видимому, шеф абвера рассчитывал, что его записи «для потомства» откроют ему кое-какие перспективы в случае крушения фашистской империи. Это был, насколько известно, с одной стороны, отчет о самых секретных сторонах деятельности гитлеровского государства, отчет, представлявший громадную ценность для возможного нового хозяина Канариса, с другой стороны, дневник представлял собой документ, который рисовал в наилучшем свете самого шефа абвера.

Естественно, что попытка двуликого адмирала умыть руки взбесила Гитлера и других нацистских бонз.

Вот одна из причин, почему палачи Кальтенбруннера и Гиммлера разделались с Канарисом.

Канарис против Канариса

Но оставим дневник Канариса… Обратимся к другому, более важному, — его делам, планам, приказам, высказываниям на протяжении многих лет.

Петляя, заметая следы, Канарис совершал много противоречивых акций — одни в поддержку Гитлера, другие маскировочные, направленные якобы против него. Очень часто Канарис выступает против… самого Канариса.

Но не будем голословны. Попробуем пойти по следу хитроумного адмирала и распутать тот клубок, который он оставил «потомкам»…

…1 апреля 1940 года состоялось совещание, на котором присутствовали Канарис, его помощник Остер и Лидиг, уполномоченный абвера в «особом штабе», созданном для подготовки нападения на Норвегию. Адмирал высказался против предстоящего предприятия фюрера и выразил надежду на то, что англичане будут своевременно извещены о нападении и примут свои контрмеры. 3 апреля Остер попытался предостеречь норвежское правительство. Он встретился со своим другом, военным атташе Голландии в Берлине Сасом, и сообщил ему дату нападения на Норвегию, а тот передал эти сведения сотруднику норвежского посольства. Норвежский дипломат не придал им значения, и дальше эта информация не пошла[8].

Итак, абвер, казалось бы, предупредил норвежское правительство о готовящемся нападении. Но *одновременно* абвер и лично Канарис предприняли громадные усилия, чтобы обеспечить успех гитлеровской операции в Норвегии. Мы уже знаем, что за несколько дней до совещания с Остером и Лидигом Канарис побывал в Норвегии, встретился там с Квислингом и проинструктировал агентуру абвера в связи с подготовлявшимся вторжением. В день передачи сообщения Сасу, в Норвегию был направлен близкий сотрудник Канариса Пикенброк для руководства агентурой абвера. Наконец, в день нападения, 9 апреля 1940 года, агенты Канариса, как могли, помогали операции, в частности они сообщали по радиостанции, установленной на немецком торговом судне «Видар», которое находилось в этот день в Осло-фиорде, обо всех передвижениях норвежских войск, а в дальнейшем — о ходе немецкого наступления. За один только день с парохода «Видар» прямо в ставку Гитлера было передано 240 важных сообщений. Эта информация сыграла исключительно важную роль в молниеносном захвате Норвегии фашистскими войсками. А на

следующий же день после оккупации вступили в действие многочисленные ударные отряды абвера, заблаговременно созданные с помощью Квислинга. Эти отряды обеспечили сохранность основных объектов, представлявших интерес для оккупационных властей, а позже вели ожесточенную борьбу против освободительного движения норвежских патриотов.

…В середине мая 1940 года, вскоре после начала гитлеровского наступления в Бельгии, Голландии и Франции, начальник имперского ведомства безопасности Гейдрих вызвал к себе своих сподручных Мюллера и Шелленберга и сказал им: «Фюрер и рейхсфюрер СС (Гиммлер. — *Авт.*) поручили мне разобраться в одном из самых вопиющих случаев предательства в истории Германии. Некоторое время тому назад были перехвачены два радиосообщения, переданные бельгийским посланником в Ватикане своему правительству; в них содержалась точная дата нашего наступления на Западе. Это произошло за 36 часов до того, как фюрер официально ее объявил. Фюрер потрясен. Он требует, не считаясь со средствами, найти предателя».

В это же время службе безопасности стал известен и другой факт передачи сведений о дате нападения на Голландию и Бельгию.

Вечером 9 мая агенты Гейдриха подслушали телефонный разговор голландского военного атташе в Берлине Саса с Гаагой. В ходе разговора Сас передал: «Хирург решил сделать операцию утром, в 4 часа». Встревоженные гаагские чиновники решили перепроверить сообщение и позвонили Сасу ночью в Берлин. Подтвердив ранее переданные им сведения, Сас сослался на «абсолютно достоверный источник».

Служба СД потребовала тщательного расследования. Но, по существовавшему соглашению о разделении функций между СД и абвером, расследованием занялся отдел III абвера (контрразведка).

Канарис знал, от кого исходят оба сообщения. Источником первого был уполномоченный абвера в Риме Иозеф Мюллер; он информировал бельгийского посла в Ватикане о дате нападения на Голландию и Бельгию. Информация же, переданная Сасом своему правительству, исходила от начальника центрального отдела абвера Остера. Остер передал ее Сасу во время встречи с ним 9 мая.

С большим трудом удалось Канарису замести следы, которые вели к абверу. Что касается телефонного разговора, то тут он просто распорядился «прекратить дело», ведь абвер был единственной инстанцией, которому было поручено его

расследование. Сложнее оказалось обмануть службу СД в случае с Иозефом Мюллером. Но и здесь адмирал нашел выход. Он поручил расследование дела… самому Мюллеру, а тот составил отчет, из которого явствовало, будто сведения, полученные в Ватикане, исходят из кругов, близких к королевскому двору в Риме. Королевский же двор якобы получил их от приближенных Риббентропа, гитлеровского министра иностранных дел.

Таким образом, адмирал весьма ловко выгородил своих подчиненных, а в графе «лояльность к западным державам» абвера мог записать весьма важный факт — выдачу срока нападения на Голландию и Бельгию.

В то же время ведомство Канариса действовало куда более эффективно по другой графе — «помощь вермахту в проведении агрессии». Для захвата мостов и железнодорожных узлов, например, абвер сформировал специальные отряды численностью не менее чем в тысячу человек. 9 мая, т. е. в тот самый день, когда Иозеф Мюллер и Остер выдавали тайны иностранным державам, эти отряды под покровом темноты перебрались через границу и расчистили путь немецкому наступлению, организовав ряд диверсий и бандитских нападений с тыла на голландских пограничников и солдат, охранявших важные военные объекты. Около Дордрехта абвер провел диверсию: на парашютах были сброшены манекены, которые отвлекли внимание обороняющихся и внесли смятение в их ряды. А в это время в другом населенном пункте появились группы диверсантов, которые захватили мосты в районе Дордрехта.

После начала нападения на Бельгию агенты абвера в бельгийской военной форме или в гражданском платье под видом отступающих солдат и беженцев просочились в тыловые районы, напали на военные объекты и удерживали их до подхода регулярных войск фашистов. Так им удалось захватить мосты через реку Шельду и туннель под этой рекой близ Антверпена.

Абвер оказал неоценимую помощь вермахту. После окончания похода на Бельгию, Голландию и Францию большое число офицеров абвера было награждено высшими фашистскими орденами. И первым среди награжденных был шеф разведки адмирал Канарис.

…В мемуарах Шелленберга сообщается, что службе безопасности удалось составить целое досье на Канариса, уличавшее шефа абвера в том, что тот скрыл от Гитлера важную военную информацию, касавшуюся предстоящей высадки союзных войск в Северной Африке. Ссылаясь на этот источник и на некоторые другие документы, авторы работ о Канарисе утверждают, что он оказывал ценные услуги союзникам в период

африканской кампании.

Известно, однако, что *одновременно* абвер мобилизовал всю свою агентуру в Северной Африке для помощи фашистским войскам и значительно активизировал деятельность своего филиала в Тетуане (Испанское Марокко), чтобы создать опорные пункты в тылу союзных войск. Эти действия Канариса столь существенно помогли фашистским агрессорам, что Гитлер отверг обвинения службы СД в адрес адмирала. Канарис представил фюреру подробную сводку донесений абвера, из которой явствовало, что военная разведка не только сигнализировала о возможной крупной операции по высадке союзных войск в Северной Африке, но также указала довольно точно пункты высадки. Волей-неволей Гиммлеру пришлось отступить. Документы Канариса были куда убедительнее, чем досье гестапо о предательских действиях абвера во время боев в Африке.

…Канарис вел очень сложную и запутанную игру в период подготовки переворота Бадольо в Италии и последующих переговоров нового правительства с союзными державами о перемирии и присоединении к антигитлеровской коалиции. Он скрыл от нацистских фюреров все сообщения об этом, полученные абвером от шефа итальянской разведки Амэ, в частности информацию о готовившемся разрыве Италии с фашистской Германией. Этот факт стал известен гестапо. Шофер Амэ по поручению гестапо записывал все высказывания своего начальника; из них явствовало, что Амэ информировал адмирала о предстоящих событиях. Вернувшись в Берлин из Италии, ничего не подозревавший Канарис заверил гитлеровцев, что правительство Бадольо останется верным «оси». Гестаповец Хуппенкотен, который вел дело Канариса после его ареста, в показаниях на Нюрнбергском процессе специально остановился на этом факте. Он вспомнил, что во время ужина в штаб-квартире Канариса в Цоссене (в связи с бомбардировками Берлина абвер создал в этом городе свой запасной штаб), на котором присутствовал Кальтенбруннер, адмирал заверил руководителя имперского ведомства безопасности в том, что, согласно донесениям Амэ, Италия, мол, не собирается порывать с Германией.

Однако четыре недели спустя, повествует Хуппенкотен, Канарис в присутствии Шелленберга, которому было поручено разобраться в этом деле, форменным образом огорошил его. Он предъявил Шелленбергу копии донесений абвера Кейтелю, в которых прямо указывалось, что руководство итальянской армии подготавливает заключение сепаратного мира с Англией и США и устранение Муссолини, а Кейтель не придал этим сообщениям

должного значения и не доложил о них Гитлеру. На сей раз хитрый адмирал своевременно принял меры, дабы обезопасить себя «на все случаи жизни». Гестапо снова не сумело собрать достаточно убедительных улик против Канариса.

О чем говорят все эти, казалось бы, странные и необъяснимые факты?

Прежде всего о том, что шеф абвера придерживался очень сложной и хитрой тактики. Он тщательно готовил для себя пути отступления, ведя с этой целью двойную игру.

Друг Канариса заместитель Риббентропа в министерстве иностранных дел фон Вейцзеккер называл Канариса «хитроумным Одиссеем». По словам Вейцзеккера, его ходы всегда были таинственны, неожиданны, противоречивы и часто непонятны для окружающих.

Но в этой противоречивости и неожиданности была своя система. Смена мер и контрмер, действий то в одном, то в другом направлении сбивала с толку противников Канариса в фашистской империи и создавала ему алиби на будущее.

Канарис раньше, чем многие другие руководящие деятели гитлеровского рейха, понял, что фашистская Германия обречена на поражение, и поэтому раньше, чем они, вступил на путь, по которому в конце концов попытался пойти и сам Гиммлер, — на путь сговора с западными странами под флагом сколачивания единого антисоветского фронта империалистических держав. По мере того как гитлеровские армии на Востоке терпели поражение за поражением, двуликий адмирал все больше активизировал свои усилия в этом направлении. Его все чаще охватывал страх за будущее империалистической Германии, за свою собственную шкуру. Слова Пикенброка о том, что после войны всем им придется висеть на одном суку, характеризовали умонастроение не только начальника отдела-I, но и самого шефа абвера.

По свидетельству Шелленберга, Канарис в последние годы войны производил впечатление человека, впавшего в состояние тяжелой депрессии. В разговоре трудно было уследить за ходом его мысли — он перескакивал с одной темы на другую, зачастую речь его становилась бессвязной. Так, например, в середине беседы о состоянии американской бомбардировочной авиации адмирал без всякого перехода вдруг произнес длинную тираду о положении на Балканах. Шелленберг уставился на него с недоумением, но Канарис продолжал говорить. У Шелленберга сложилось впечатление, что адмирал близок к помешательству.

Конечно, в таком поведении тоже мог быть свой расчет. Возможно, Канарис хотел избежать нежелательных расспросов со стороны службы СД. Но нервозность адмирала, страх и

подозрительность, повышенная возбудимость и болезненная рассеянность засвидетельствованы не только Шелленбергом, но и другими лицами, близко знавшими шефа абвера. «Хитроумный Одиссей», по-видимому, чувствовал, что он запутался в собственных интригах и что над ним сгущаются тучи.

В этих условиях Канарис возлагал особые надежды на давние связи с разведывательными службами Англии и США и на готовившийся верхушечный переворот в самой Германии. Таковы были две последние ставки адмирала, от них он ждал спасения. Канарис привык менять хозяев. Он все яснее сознавал, что после войны германские антикоммунисты и реакционеры понадобятся английским и американским империалистам. Для них он писал свой дневник, с ними налаживал контакты, им пытался оказывать различные услуги.

Такова подоплека двойной игры Канариса, объяснение его противоречивых поступков, мотивы его связей с разведками США и Англии.

Контакты Канариса с определенными кругами англосаксонских стран налаживались, по-видимому, еще до войны. Но особенно интенсивный характер они носили в военные годы и осуществлялись по многим каналам.

Обратимся к двум из этих каналов — Ватикану и Швейцарии. Связи абвера с представителями Англии и США поддерживались сотрудниками Канариса Иозефом Мюллером и Берндом Гизевиусом.

Иозеф Мюллер, адвокат из Мюнхена, близко стоял к католическим кругам Баварии. В начале войны он стал сотрудником абвера и был послан с разведывательными заданиями в Рим. Как друг Остера, Мюллер пользовался полным доверием руководства абвера и его шефа. На него была возложена задача установить связь с английской разведкой через Ватикан и позондировать почву относительно возможности заключения мира с Англией.

В октябре 1939 года Мюллер прибыл в Рим с рекомендациями к папе Пию XII (бывшему кардиналу Пачелли, занимавшему пост папского нунция в Германии до своего избрания папой) от мюнхенского кардинала Фаульхабера.

Через папу Пия XII Мюллер установил контакт с окружением английского посла в Ватикане Осборна, снабжал английских доверенных лиц информацией, касающейся Германии, и регулярно сообщал абверу сведения, полученные от своих английских связных. Он также сообщил папе, что Муссолини передал абверу ключ к коду Ватикана, в результате чего все зашифрованные радиосообщения Ватикана известны

гитлеровскому правительству[9].

Кроме того, Мюллер, как мы уже знаем, предупредил бельгийского посла в Ватикане о предстоящем нападении Германии на Бельгию.

Канарис сделал все, чтобы сохранить Мюллера на его посту в Риме. И вплоть до февраля 1943 года продолжались контакты с английскими представителями в Ватикане. Однако в феврале гестапо напало на след Мюллера, и в марте он был арестован. 29 ноября 1944 года (уже после ареста Канариса) Кальтенбруннер сообщал Гитлеру о результатах допроса Мюллера: «Из его показаний, а также в связи с показаниями Остера, Канариса и Донаньи (сотрудника абвера. — *Авт.*) и, наконец, из найденного документального материала весьма вероятно, а скорее даже абсолютно ясно, что Мюллер, как и Гизевиус, был двойным агентом», т. е. не только агентом абвера, но и сотрудником иностранных разведок.

Но это был не единственный канал для связи с английской разведкой. Канарис имел еще личного связного, через которого он в любое время мог вступить в контакт с английскими разведывательными кругами. Этим связным был загадочный барон Ино, о котором уже кратко упоминалось.

Канарис никогда и никому не раскрывал настоящей фамилии этого человека — авантюриста международного масштаба. Барон специализировался на торговле оружием. В частности, он посредничал при продаже немецкого вооружения некоторым ближневосточным государствам. В Берлине Ино возглавлял фирму «Трансмаре», которая использовалась абвером для посылки своих сотрудников за границу под видом служащих фирмы.

Барон Ино до 1939 года постоянно жил в Берлине. Богач и бонвиван, он чувствовал себя как дома во многих странах и имел влиятельнейших друзей в столицах разных государств. Как подданный Турции, т. е. нейтральной страны, он мог свободно разъезжать по белу свету в разгар войны. К тому же барон Ино в совершенстве владел десятью языками.

Канарис и Ино были на «ты», и барон часто гостил на вилле Шлахтензее. Ни с одним человеком адмирал не был так откровенен, как с Ино. Между прочим, барона и адмирала связывала также общая любовь к экзотике и к чревоугодию. Канарис любил вкусно поесть. Вместе с Ино он бродил по австрийским, венгерским и турецким кабачкам, ибо барон был знатоком восточной кухни. А когда Ино приезжал на виллу Канариса, шеф абвера надевал фартук и показывал свои кулинарные таланты.

Барон имел обширные связи с разведывательными службами многих стран. Особенно тесные отношения он установил с английскими резидентами на Ближнем Востоке. Районом его деятельности считались Саудовская Аравия и Ирак — английская сфера влияния. По делам своего бизнеса — торговли оружием — он часто посещал также и Лондон.

После отъезда из Германии (кстати, по совету Канариса) Ино сконцентрировал основное внимание на выполнении посреднических поручений английских фирм на Ближнем Востоке. А в действительности он был крупным агентом английской разведки. Вместе с тем его связи с Канарисом не были прерваны. Они осуществлялись через людей абвера в Анкаре и Мадриде. Поручения, которые Канарис давал барону, шеф абвера держал в секрете даже от самых близких сотрудников. Вообще дела с разведками западных стран Канарис окружил густым покровом тайны. Возможно, в дневнике он несколько раскрыл эту сугубо секретную сторону своей деятельности. Но дневник потерян безвозвратно, а Интеллидженс сервис и Си-Ай-Си хранят молчание. Пройдет, видимо, немало времени, прежде чем полностью будут раскрыты связи шефа абвера с разведками Англии и США.

Наиболее ясно можно проследить двойную игру Канариса при знакомстве с деятельностью одного из главных его агентов — Бернда Гизевиуса, который занимал пост вице-консула Германии в Цюрихе и считался резидентом абвера в Швейцарии. А для этого исследователь располагает множеством источников.

Во-первых, Гизевиус выступал свидетелем американского обвинения на Нюрнбергском процессе главных немецких военных преступников и там подробно рассказал о своих встречах с уполномоченным американской разведки Алленом Даллесом, штаб-квартира которого с 1942 по 1944 год находилась в Берне.

Во-вторых, Гизевиус выпустил в 1947 году в Швейцарии свои мемуары, озаглавленные «До горького конца».

В-третьих, о Гизевиусе много пишет Аллен Даллес в книге «Подпольщики в Германии», представляющей своеобразный отчет о его деятельности в качестве уполномоченного Си-Ай-Си в Швейцарии.

В-четвертых, в отчетах Кальтенбруннера Гитлеру о допросах заговорщиков, замешанных в покушении на Гитлера 20 июля 1944 года, имя Гизевиуса как агента Аллена Даллеса упоминается неоднократно.

Итак, у нас более чем достаточно данных, позволяющих сделать вывод о том, что Гизевиус осуществлял связь между абвером и Си-Ай-Си.

Правда, в предисловии ко второму тому своих мемуаров сам Гизевиус всячески пытается отвергнуть обвинения в том, что он одновременно служил в фашистской и в американской разведках. Но достаточно внимательно вчитаться в текст его мемуаров, как становится совершенно очевидным, что связи Даллеса с Гизевиусом могли иметь лишь одну подоплеку: уполномоченный Си-Ай-Си получал от своего «немецкого друга» важную информацию. Для оправдания своих контактов с Даллесом Гизевиус подводит под них «идеологическую» платформу. Он пишет, что поддерживал связи с Даллесом, так как резиденция Даллеса в Берне была… «центром европейского Сопротивления». Но эта наивная попытка Гизевиуса выдать шпионский центр за штаб антифашистского движения и тем самым замести следы никого не может убедить.

Встречи Гизевиуса с уполномоченными Даллеса носили регулярный характер. Гизевиусу помогал и другой агент абвера в Швейцарии, Вэтьен, установивший дружеские связи с помощником Даллеса по германским делам Шульце-Геверницом. Эта тройка — Гизевиус, Вэтьен и Шульце-Геверниц — служила главным каналом, через который абвер поддерживал контакты с Си-Ай-Си. Благодаря людям Канариса Даллес был информирован о событиях в Германии, о военных и политических планах Гитлера и о проекте организаторов покушения на Гитлера заключить сепаратный мир с Англией и США. Ярый антисоветчик, Даллес активно поддерживал эти планы и пытался воздействовать на Рузвельта, дабы тот санкционировал их.

Канарис в своих показаниях гестапо недвусмысленно охарактеризовал суть этих проектов. «В разное время, — показал он, — обсуждались возможности заключения мира. Прежде всего, речь шла *о возможностях заключить мир с западными державами* и совместно с ними продолжать борьбу против большевизма» (подчеркнуто в оригинале. — *Авт.*).

Но сие, как говорится, уже не зависело от воли даллесов, канарисов и иже с ними. Советская Армия наносила фашистским войскам удар за ударом. В оккупированной Европе ширилось и росло движение Сопротивления. Поражение гитлеровской империи неуклонно приближалось, и никакие силы в мире уже не могли спасти немецкий империализм от катастрофы: слишком велика была ненависть народов к фашизму. Ставка Канариса на сепаратный мир оказалась битой. Вместе с ней провалились и его надежды на создание общего фронта империалистических разведок.

Канарис и фашистские фюреры

Мы подошли к теме, которая является предметом пристального внимания всех зарубежных исследователей жизни фашистского адмирала: Канарис и гитлеровская верхушка.

Но прежде, чем разобрать ее, надо сказать хотя бы несколько слов о том, что представляли собой фюреры Канариса, те, кто выступали на авансцене германской истории на протяжении 12 лет.

Картина нравов фашистской империи еще не написана. Не всякий современный читатель может представить себе, какие ничтожные чудовища и чудовищные ничтожества стояли во главе Германии. Возведенные на «трон» финансовыми и промышленными магнатами, они получили неограниченную власть над жизнью миллионов немцев, а потом и миллионов людей в порабощенных Гитлером странах. Фашистские фюреры паясничали и кривлялись, на глазах у всех разыгрывали шутовские спектакли…

…В начале войны, когда геббельсовская пропаганда наперебой вопила о «неполноценности» всех славянских народов, в частности чехов, сам Геббельс завел роман с… чешской киноактрисой коллаборационисткой Лидой Баровой. Он повсюду появлялся с ней, осыпал ее подарками, вздыхал и млел на виду у всего Берлина, гаулейтером которого он был. …Магда Геббельс, распутная и фанатичная жена Геббельса, любовные похождения которой были широко известны, публично разыгрывала из себя несчастную покинутую жертву. Все это продолжалось довольно долго. «Треугольник» — Иозеф Геббельс, «расово неполноценная» Лида Барова и «несчастная» Магда Геббельс — был источником всевозможных сплетен и пересудов. А сплетни и пересуды Геббельс называл особым термином — «флюстер-пропаганда», что означает «пропаганда шепотом». История с Лидой Баровой была для Геббельса своего рода рекламой. Гитлеровский рейхсминистр пропаганды рекламировал себя совершенно теми же методами, какими богатые и влиятельные продюсеры рекламируют своих «звезд».

…Геббельс бросил Лиду Барову и вернулся к Магде… После долгого перерыва супруги появились вместе на приеме у Гитлера. Снова шепот и пересуды… Флюстер-пропаганда!

…Роскошный лимузин Геббельса скользит по улицам имперской столицы. Рейхсминистр по пять-шесть раз в день приезжает из министерства пропаганды домой. Он переодевается. Все в Берлине знают, что в гардеробной Геббельса — сотни

костюмов. Подобно кокотке времен Людовика XIV, министр пропаганды без конца менял туалеты…

Впрочем, что там Геббельс!.. В 1944 году фашистского аса Руделя принял Геринг. Рудель только-только выписался из лазарета. И вот он в резиденции Германа Геринга. Роскошный парк. Мраморные Дионисы и Венеры — Геринг свез их в свое поместье со всей Европы. А вот и сам многопудовый министр авиации, облаченный в пурпурную тогу древнеримского сенатора. На груди у него сверкает и переливается бесценная бриллиантовая брошь. Жирные пальцы Геринга, унизанные бриллиантовыми перстнями, сжимают лук. Оказывается, в это время дня Геринг обычно упражняется в стрельбе из лука.

Перед началом войны Геринг сказал, что ни одна бомба не упадет на немецкие города. А в тот год, когда Рудель явился в резиденцию Геринга, половина немецких городов лежала в развалинах. Гитлеровцы давно потеряли свое хваленое «превосходство в воздухе». Советские летчики сбивали немецкие самолеты пачками. А Геринг в это время расхаживал в пурпурной тоге и стрелял из лука…

Что же подумал Рудель, увидев второго, после Гитлера, человека в государстве в столь неподходящем одеянии? Гитлеровский ас оказался под стать министру авиации. Много лет спустя он с восхищением описал эту сцену. Геринг показался ему «импозантным», «впечатляющим», «героичным»…

В юности Геринг был морфинистом. Потом вместе с Ремом коротал время в «злачных» местах. Дрожал при виде шупо (полицейского) — боялся попасть в каталажку. Рем был гомосексуалистом. Геринг следовал его примеру…

Ну, а сам фюрер? Фюрер разыгрывал фарс почище Геринга. Он регулярно устраивал истерики министрам и фельдмаршалам, капризничал. На обедах у Гитлера все безмолвствовали, ибо фюрер говорил без умолку. На публичных сборищах, выступая с трибуны, Гитлер впадал в транс. Это было всем известно. Подобные же припадки повторялись и на важных совещаниях — Гитлер произносил странные отрывистые фразы, выкрикивал бессвязные слова. После совещаний фашистские политики собирались группками, пытаясь расшифровать сказанное фюрером.

Всю жизнь Гитлер играл роли: сперва — «древнего германца», потом — великого полководца, под конец — непонятого героя, которого мир оценит этак лет через сто. Годами он изображал из себя аскета. Пил только молоко. Не ел мяса. Встречался с Евой Браун, своей многолетней любовницей тайком. Накануне самоубийства в бункере имперской канцелярии он сыграл свою

последнюю роль — роль добропорядочного немецкого бюргера: «прикрыл грех Евы Браун» — облачился в парадный мундир и повел любовницу к алтарю…

И все они: Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер и иже с ними — были патологическими преступниками, маниакальными убийцами, готовыми утопить человечество в море крови.

Таковы были хозяева Канариса.

Но палачи в фашистской Германии были разные. Такие, как Гитлер, Гиммлер, Геринг, которые делали все напоказ, бравировали своими преступлениями, открыто демонстрировали перед всем миром и свое безудержное стремление к мировому господству и свою патологическую жестокость. И другие, скрывавшие свои истинные намерения, творившие свои злодеяния в тиши, втайне, по возможности чужими руками. Канарис принадлежал к этому, второму, типу гитлеровских преступников. «Стиль» Гитлера и Геббельса, Гиммлера и Геринга его не устраивал. Он презирал и их хвастовство и их циничную откровенность. Фашистскую программу завоевания мирового господства, уничтожения целых народов и борьбы с демократией он пытался осуществить, что называется, «без шума», без громких демонстраций, другими методами. Адмирал всегда стремился остаться в тени, чего никак не скажешь о тех, чьи непосредственные приказы он выполнял.

В силу гитлеровской верхушки он не мог уверовать надолго. Шеф абвера раньше других чиновников фашистского рейха увидел, что «тысячелетнюю империю» провозгласили временщики. И он, как мы уже видели раньше, начал принимать свои меры, чтобы заблаговременно покинуть тонущий корабль гитлеровских шутов.

Но был ли Канарис действительно противником фашизма? Участвовал ли он в заговоре 20 июля 1944 года? До сих пор это является предметом дискуссий и ожесточенных споров на Западе.

Одни апологеты Канариса — влиятельные сотрудники абвера Лахузен, Райле, Леверкюн — утверждают, что их шеф был до конца верен фашистскому режиму и до самого ареста оказывал гигантские услуги гитлеровской империи.

Другие — Гизевиус, Абсхаген, Герлиц — рисуют адмирала чуть ли не как принципиального и последовательного противника Гитлера. В доказательство они приводят смерть Канариса от рук гестаповцев и его связи со многими участниками заговора 20 июля 1944 года.

Кто же прав?

На наш взгляд неправы *ни те, ни другие*. И это вполне можно доказать, если оставаться на почве реальных фактов.

Даже сторонники версии о том, что адмирал боролся против гитлеровского режима, признают: Канарис ни в каких акциях против Гитлера *не участвовал*. Он не был причастен к документам, составленным заговорщиками, не давал им советов, не помогал в осуществлении покушения на фюрера.

Но Канарис *знал* о планах и действиях заговорщиков. Более того, он закрывал глаза на то, что по крайней мере пять лет — с 1938 по 1943 год — в его «лисьей норе», за стеной его собственного кабинета, находился один из центров «военного сектора» заговора, т. е. заговора в армии. Руководил этим центром близкий помощник Канариса Остер. Вокруг него сплотилась группа представителей высшего офицерства гитлеровского вермахта. В лагере заговорщиков она стояла на крайне правом фланге и главной, ее целью был сговор с английской и американской реакцией, направленный против Советского Союза и всех демократических сил.

Таким образом, Канарис не только знал о заговоре, но молчаливо *поддерживал* определенную группу заговорщиков.

Знал, но не участвовал… Поддерживал, но не действовал. Симпатизировал, но отмежевывался… Знакомая тактика! Адмирал, как всегда, хитрил, лавировал, оставлял себе лазейку на случай неудачи.

Даже в день покушения, когда всем в окружении Канариса казалось, что Гитлер погиб, адмирал остался верен этой тактике. 20 июля 1944 года ему позвонил Штауффенберг. Он только что вернулся из ставки Гитлера, где ему удалось положить бомбу под стол в непосредственной близости от фюрера, и он слышал, как раздался взрыв. Разумеется, Штауффенберг был уверен, что Гитлер погиб, и с ликованием сообщил об этом адмиралу. И что же он услышал в ответ? С хорошо разыгранным возмущением адмирал произнес: «Да что вы говорите, Штауффенберг? В своем ли вы уме? Это все козни большевиков!»

Когда в гестапо уже после ареста адмиралу прокрутили пленку с записью этого разговора (Канарис, конечно, знал, что его разговоры записываются), на его лице промелькнуло нечто вроде улыбки. «Вот видите, — заметил он, — я ведь правильно тогда сказал. А вы хотите обвинить меня в участии в заговоре!»

Да, даже самым опытным гестаповцам, которым было поручено заняться делом Канариса, не удалось наскрести факты, уличающие адмирала в причастности к заговору. Один из заговорщиков, Фабиан фон Шлабрендорф, в своих мемуарах «Офицеры против Гитлера» впоследствии писал: «Даже из последних донесений Кальтенбруннера Гитлеру осенью 1944 года явствует, насколько гестапо сомневалось, на чьей стороне в

действительности стоял Канарис».

Донесения, на которые ссылается Шлабрендорф, перед нами. Это толстый том «Секретные документы из бывшего ведомства безопасности». В нем собраны отчеты Кальтенбруннера начальнику канцелярии фюрера Мартину Борману о ходе допросов лиц, привлеченных по делу 20 июля 1944 года.

В этих отчетах имя Канариса встречается 72 раза. Об участии Канариса в заговоре были допрошены десятки подсудимых и свидетелей. Его самого допрашивали много раз. И тем не менее Кальтенбруннер, Борман и Гитлер не смогли получить доказательства виновности адмирала.

Канарис не только упорно отрицал вину перед фашистским режимом, он с поразительной ловкостью старался обернуть каждое обвинение в свою пользу, «переиграть» гестаповцев. Так, например, из показаний обвиняемых стало ясно, что в последние месяцы перед снятием его с поста начальника абвера Канарис стремился сосредоточить дивизию «Бранденбург» в пределах рейха. Это навело гестаповцев на мысль, что шеф разведки намеревался использовать своих головорезов против фашистской верхушки. Это обвинение Канарис ловко парировал, выдвинув контрверсию. Он, мол, хотел использовать дивизию «Бранденбург» против «внутренних беспорядков». На допросах Канарис неоднократно подчеркивал грозящую Германии опасность «внутренних волнений» в связи с концентрацией большого количества иностранных рабочих, ростом подпольного движения и активизацией деятельности немецкой компартии. Эти высказывания матерого антикоммуниста звучали довольно правдиво. Поди пойми, как в действительности намеревался Канарис использовать дивизию «Бранденбург»! Он, видимо, не погрешил против истины, утверждая, что хотел бросить ее в первую очередь против немецкого народа, «в защиту абвера».

Кальтенбруннер так ни разу и не решился назвать Канариса в своих донесениях агентом иностранных держав или заговорщиком. Самое большее, на что он имел основания, — это характеризовать адмирала как «Mitwisser'a» («тот, кто знал»). Даже фашистский трибунал и его пресловутый председатель кровавый палач Фрейслер затруднились бы вынести смертный приговор Канарису на основании столь шатких улик, зная тем более заслуги шефа абвера перед Гитлером.

…И все же Канарис *поддерживал* заговор, точнее, наиболее реакционную группу его участников. Их идеи были близки сердцу адмирала, его тактике «ставить сразу на двух лошадей». Заключение сепаратного мира с Англией и Соединенными Штатами Америки и последующее создание единого

империалистического фронта против СССР были и его целью.

Участники группы Остера с молчаливого согласия Канариса взяли на себя функции связных между заговорщиками в Берлине и представителями западных держав. На протяжении многих лет они довольно свободно курсировали между Берлином и Лондоном, Берлином и Стокгольмом, Берлином и Берном. Проследим за, некоторыми из этих путешествий…

Летом 1938 года руководители верхушечной оппозиции в гитлеровской Германии отправили для переговоров с английским правительством своего уполномоченного Эвальда фон Клейста. Эта поездка стала возможной только благодаря тому, что абвер в целях маскировки дал ему поручение в Лондон. Фон Клейст прибыл в английскую столицу 18 августа и имел встречу с Черчиллем. Он сообщил ему, что Гитлер твердо решил оккупировать Чехословакию и назначил срок вторжения. Далее Клейст заявил от имени оппозиции, что если Англия даст отпор Гитлеру, то оппозиция попытается произвести государственный переворот в Германии.

Через год, в октябре 1939 года, с аналогичным поручением абвера был направлен в Вашингтон молодой немецкий дипломат Тротт цу Зольц. Он был принят руководящими работниками госдепартамента и изложил им планы заключения мира между Германией и Англией, которые вынашивала оппозиция.

В то же время, т. е. в октябре 1939 года, по поручению абвера прямые переговоры о мирном договоре между Германией и Англией вел, как нам уже известно, в Ватикане Иозеф Мюллер при посредничестве палы Римского.

Мюллер сумел сразу же после прибытия в Рим установить дружеские отношения с личным секретарем папы патером Лейбером. Через него он получил доступ к папе, который согласился посредничать в переговорах между посланцем Германии и английскими представителями.

Результаты этих переговоров изложены в так называемом «меморандуме X», который был представлен Остеру и Канарису. Англичане отнюдь не отвергали мысль о мире, но требовали, во-первых, смещения Гитлера и, во-вторых, гарантии против возобновления агрессии в западном направлении. Интересно отметить, что английские условия содержали пункт об «урегулировании восточной проблемы в пользу Германии». Английские «мюнхенцы» были не прочь вернуться к своей прежней политике натравливания Германии на Советский Союз. Канарис знал, что с меморандумом были ознакомлены высшие чины фашистского вермахта — главнокомандующий сухопутной армией Браухич и начальник генерального штаба Гальдер.

В мае 1942 года уполномоченный абвера Бонхефер прибыл в Стокгольм для переговоров с английским представителем епископом Чичестерским. Бонхефер предложил заключить сепаратный мир между Германией и западными державами за спиной Советского Союза. Впрочем, после краха «молниеносной войны» в Советском Союзе и первых поражений фашистской армии на советско-германском фронте идея сепаратного мира овладела не только заговорщиками, но и определенной частью нацистских руководителей. Можно установить даже некоторый параллелизм действий заговорщиков и фашистских фюреров. Разница заключалась лишь в том, что руководители заговора хорошо понимали: западные державы не пойдут на мир с гитлеровским правительством. Поэтому они предлагали начать мирные переговоры лишь после свержения Гитлера.

В апреле 1944 года была предпринята еще одна попытка абвера посредничать между заговорщиками и правительствами Англии и США в переговорах о сепаратном мире. В это время Канарис был отстранен от поста шефа абвера, но на местах сохранились еще его старые сотрудники. По поручению руководителей заговора один из них, известный нам Гизевиус, передал предложения о заключении сепаратного мира с Англией и США уполномоченному американцев в Швейцарии Аллену Даллесу. В этих предложениях заговорщики обещали сразу же после переворота прекратить сопротивление на западе, и они были готовы встретить десантные войска американской и английской армий в ключевых пунктах страны — Мюнхене, Гамбурге, Дюссельдорфе и Берлине. По сути дела, Гизевиус предложил план оккупации Германии английскими и американскими войсками с помощью заговорщиков! Этот план обосновывался интересами «совместной борьбы против большевизма».

Во время допросов в гестапо Канарис признал, что у него имелись сведения о настроениях в пользу заключения сепаратного мира. Его сторонники, указывал адмирал, исходили из того, что противники Германии навряд ли заключат мир с нынешним правительством. Поэтому нынешнее правительство следовало бы хоть на время «выключить из игры»… «Тем временем войну следует продолжать до тех пор, пока будет заключен мир с западными державами и начнется общая акция всех западных держав против Востока». В этих словах была выражена программа реакционного крыла заговорщиков, к которому принадлежали офицеры абвера.

Канарис сообщил гестаповцам, что о таких разговорах ему время от времени рассказывал Остер. Но он тут же добавил: «*Я*

таким сообщениям не придавал никакого значения. Для меня было ясно, что подобные планы неосуществимы и что все это пустые разговоры. Я не сомневался также в том, что любая смена режима во время войны была бы воспринята как удар в спину и привела бы к потрясению внутреннего фронта…»

Даже некоторые буржуазные исследователи указывают на реакционную роль Канариса в заговоре. Можно хотя бы сослаться на английских исследователей Уилера-Беннета, Френкеля и Мэнвиля, а также на ведущего западногерманского историка Ганса Ротфельса.

Англичанин Уилер-Беннет, автор фундаментального труда о германском генералитете, говорит о «темных интригах» начальника абвера и называет его «чрезвычайно сомнительной фигурой». Английские историки и публицисты Генрих Френкель и Роджер Мэнвиль отмечают, что Канарис петлял до конца своей жизни и что участие его в заговоре вообще нельзя считать установленным. Наконец, западногерманский историк Ганс Ротфельс, человек, потративший немало труда, чтобы возвеличить наиболее правых представителей верхушечного заговора против Гитлера, заявляет, что роль Канариса в заговоре вызывает большие сомнения и что Канарис никогда не предпринимал прямых акций, направленных против гитлеровского режима.

Эти свидетельства видных буржуазных ученых для нас важны потому, что звучат диссонансом в хоре славословий, расточаемых по адресу Канариса-«заговорщика».

Для шефа абвера молчаливая (и вместе с тем сверхосторожная) поддержка заговора была лишь одной из ставок в его сложной и темной игре.

Пример переворота Бадольо в Италии, все детали которого Канарис хорошо знал от своего друга Амэ, говорил о том, что фашистские диктаторы не вечны (а ведь власть Муссолини была установлена на 10 лет раньше диктатуры Гитлера!) и что умный разведчик не должен связывать свою судьбу с ними. Но в отличие от Италии обстановка в Германии сложилась неблагоприятно для заговорщиков. Заговор потерпел провал.

Абвер и гестапо

Рискованная игра Канариса велась на фоне все более обостряющегося соперничества между фашистскими аппаратами разведки и террора, между абвером и имперским ведомством безопасности. Начальником имперского ведомства безопасности был сначала Гейдрих, а потом Кальтенбруннер.

Имперское ведомство безопасности представляло собой чрезвычайно громоздкий механизм. Его наиболее важными управлениями были шестое, иностранное, — под руководством Шелленберга и четвертое, гестапо, — под руководством Мюллера.

Шелленберг и Мюллер постоянно сталкивались с Канарисом при выполнении разведывательных функций: служба Шелленберга — собирая информацию об общем политическом положении в иностранных государствах (в соответствии с «десятью заповедями», в ведении Шелленберга остались вопросы внутреннего положения и внутренней политики зарубежных стран), а гестапо — при арестах, допросах и расправах с теми, кого выслеживал абвер.

Шелленберг не мог примириться с тем, что Канарис захватил в свои руки всю иностранную разведку, а Мюллер был недоволен, что его ведомству доставалась только грязная работа — доведение до конца дел, начатых абвером.

Итак, Гейдрих до 1942 года, а затем Кальтенбруннер, Шелленберг, Мюллер — вот основные противники Канариса в борьбе за влияние в фашистском рейхе.

Чрезвычайно запутанными были взаимоотношения Канариса с Гейдрихом. Дело в том, что могущественный шеф имперского ведомства безопасности когда-то был морским офицером и проходил службу на крейсере «Берлин» под началом Канариса. Он оказался замешанным в уголовном деле и предстал перед «судом чести», который предложил ему покинуть флот. Гейдриха, видимо, никак не устраивало, что Канарис, хорошо знавший его прошлое, оказался на высоком посту в системе разведки. Но именно это обстоятельство побудило Гейдриха действовать в отношении своего бывшего начальника осторожно — адмирал мог воспользоваться компрометирующими его, Гейдриха, материалами. И кто знает, как поступят фашистские фюреры, если заполучат в свои руки материалы Канариса! Поэтому внешне Гейдрих сохранял с адмиралом наилучшие отношения. Они оказались соседями — жили на одной улице еще до назначения Канариса шефом абвера, а когда впоследствии адмирал начал строить дом в Шлахтензее, Гейдрих купил участок рядом с ним и

выстроил там себе роскошную виллу. Их поместья тоже находились по соседству. Гейдрих был частым гостем в доме Канариса, и на всех приемах, устраиваемых Гейдрихом, непременно присутствовали Канарис с супругой.

Но «добрые отношения» между шефом СД и шефом абвера строились на зыбкой почве. Шелленберг рассказывает, что Гейдрих ненавидел Канариса и тщательно готовился нанести ему удар. Начальник шестого отдела СД считал, что если бы Гейдриха не убили в 1942 году, то участь Канариса была бы решена гораздо раньше. В свою очередь, Канарис копил материалы против Гейдриха и неоднократно намекал Шелленбергу, что имеет в своем распоряжении целое досье на его шефа.

Гитлер подобрал Гейдриха на самом дне и всегда поручал ему наиболее грязную работу в грязной фашистской империи. Цинизм и жестокость Гейдриха поражали даже самых прожженных гестаповцев.

Преемником Гейдриха был Кальтенбруннер — фанатичный чиновник, прошедший путь от низового служащего СД до шефа имперского ведомства безопасности. Это был верзила с «ручищами мясника», как о нем однажды сказал Канарис. Кальтенбруннер исполнял в фашистском государстве роль «калькулятора смерти»: он составлял подробные бухгалтерские отчеты о «достижениях» службы СД, о числе людей, замученных, сожженных, истребленных в гестаповских тюрьмах и лагерях. Кальтенбруннер ввел сложнейшую систему отчетности в имперском ведомстве безопасности, скрупулезно следил за выполнением всех предписаний и приказов Гиммлера.

С Канарисом он встретился впервые лишь через восемь месяцев после своего назначения — для него Канарис был «интеллигент», сомнительная личность, за которой надо зорко следить и с которой у «истого солдата СС» не может быть ничего общего. Кальтенбруннер обладал одним качеством, которое представляло особую опасность для шефа абвера, — мертвой хваткой фанатика. Вцепившись в свою жертву, шеф СД уже не отпускал ее.

Наиболее близким Кальтенбруннеру человеком в имперском ведомстве безопасности был Генрих Мюллер — шеф гестапо. Эти два палача отлично понимали друг друга. Приземистый, тучный, с лицом пьяницы, Мюллер любое поручение выполнял точно и «до конца». У него не было ни привязанностей, ни страстей, за исключением одной… Он упивался убийствами, пытками, газовыми камерами; искал и находил любые поводы для чудовищных расправ в «своей» гестаповской тюрьме на Принц-Альбрехтштрассе и в концентрационных лагерях.

И наконец, Шелленберг — единственный интеллигент в руководстве ведомства безопасности. Выходец из респектабельной буржуазной семьи, юрист по образованию, он в глазах других руководителей ведомства, в известной степени, был белой вороной.

Главная черта характера Шелленберга — честолюбие. Он единственный из высших чинов службы СД, который написал мемуары. В них он выступает беззастенчивым карьеристом, упоенным властью. Шелленберг хвастает успехами службы разведки, организацией своего управления, количеством агентов, влиянием и связями. Его заветной целью всегда было заполучить в свое ведение абвер, и он неутомимо интриговал против Канариса. Столкновения между Шелленбергом и Канарисом были немаловажной причиной окончательного падения шефа абвера. Шелленберг осторожно внушал рейхсфюреру СС, что Канарис представляет опасность для его, Гиммлера, личных планов и устремлений.

Таково было соотношение борющихся сил. С течением времени чаша весов в этой борьбе все более стала склоняться в пользу СД, в пользу Кальтенбруннера, Мюллера и Шелленберга.

Дело против абвера служба СД завела еще в 1939 году, при жизни Гейдриха. Тогда сильные подозрения СД вызвали действия Иозефа Мюллера. Все материалы, собранные в этой связи, были объединены в досье под названием «Черная капелла» (по цвету одежды католических священников — в деле был замешан Ватикан). Но гестапо не хватило улик, чтобы открыто выступить против Канариса. Да и положение его в то время было слишком прочным.

Подозрения службы СД в отношении абвера усилились в связи с так называемой «операцией Венло». Шелленберг организовал ловкую провокацию против Интеллидженс сервис. Пользуясь знанием кода, с помощью которого Интеллидженс сервис связывалась со своими агентами в Европе, Шелленберг направил через радиостанцию СД сообщение в Лондон, будто «некоторые генералы» в рейхе хотят передать английской разведке важные сведения и готовы встретиться с представителями англичан.

Провокация удалась. Было условлено, что Интеллидженс сервис направит двух своих представителей в район голландского городка Венло для встречи с генералами. 8 ноября 1939 года английские агенты спустились на парашютах в условленном месте и… прямо попали в объятия сотрудников Шелленберга. Два английских разведчика, Бест и Стивенс, были заключены в гестаповскую тюрьму и подверглись допросам. Шелленберга

интересовало, во-первых, почему агенты с такой готовностью пошли на встречу с вымышленными представителями генералитета. Может быть, они что-то знали об оппозиции генералов к Гитлеру? Во-вторых, Шелленберг добивался от арестованных сведений по делу «Черная капелла» — СД продолжала заниматься интригами Иозефа Мюллера в Ватикане.

Канарис имел неосторожность обнаружить свою заинтересованность в деле Беста и Стивенса, прямо спросив Шелленберга, не дали ли они показаний, компрометирующих абвер. Это насторожило Шелленберга и побудило его еще усиленнее заняться сбором сведений о «предательской деятельности» абвера. Он строжайше запретил знакомить сотрудников Канариса с показаниями английских агентов.

Все эти косвенные свидетельства «нечистой совести» Канариса, хотя они и не давали возможности уличить адмирала в каких-либо противозаконных деяниях, были использованы Гиммлером для того, чтобы настроить фашистского диктатора против Канариса. И в конце концов раздражение фюрера прорвалось наружу.

В феврале 1942 года произошел первый крупный скандал, сильно подорвавший позиции Канариса в глазах Гитлера.

27 февраля 1942 года английская десантная часть произвела налет на гитлеровскую экспериментальную базу в районе Гавра, на которой испытывались новые средства противовоздушной обороны. База была начисто уничтожена. Абвер не только не сумел своевременно предупредить командование о налете, но своими сообщениями успокаивал руководителей вермахта, давая совершенно неправильную оценку возможностям английской разведки.

Гитлер пришел в ярость. Он назначил ревизию абвера. Канарису было приказано представить полную сводку сообщений о положении дел в английской разведке, которые абвер на протяжении года направлял руководству вермахта. Сводка оказалась настолько тощей, что адмирал предпочел игнорировать приказ Гитлера. Он так и не представил требуемую информацию. «Такое поведение, — пишет Шелленберг, — окончательно поссорило его с Гитлером, и с этого момента судьба Канариса была решена».

Служба СД получила возможность начать концентрированное наступление на абвер.

В декабре 1942 года гестапо арестовало двух сотрудников абвера в Мюнхене за спекуляцию валютой. Арестованные, желая задобрить гестаповцев, дали показания по делу Иозефа Мюллера. Они заявили, что всеми действиями Мюллера по организации

переговоров в Ватикане руководил сотрудник абвера Донаньи (автор упоминавшегося нами «меморандума X»).

Начальник гестапо Мюллер, осторожности ради, решил действовать не сам, а через сотрудников имперского военного трибунала, которому он передал показания арестованных. Следователь трибунала Редер 5 апреля 1943 года неожиданно произвел обыск в кабинете Донаньи. Ему удалось обнаружить материалы, компрометировавшие Донаньи, Иозефа Мюллера, Остера и Бонхефера (уполномоченного абвера, который вел в мае 1942 года переговоры с епископом Чичестерским в Стокгольме). Донаньи, Бонхефера и Мюллера арестовали. Остера Канарису пришлось в декабре 1943 года уволить из разведки. С тех пор участие абвера в антигитлеровском заговоре прекратилось. Канарис больше не хотел рисковать.

На первых порах допросы арестованных сотрудников абвера не дали результатов — они ни в чем не хотели признаваться. Но в январе 1944 года в руки гестапо попал еще один сотрудник абвера — Кип. Он был арестован вместе с членами антигитлеровского кружка Зольфа. И наконец, в феврале 1944 года произошел случай, окончательно озлобивший фюрера: несколько агентов абвера в Анкаре, почувствовав, что у них горит земля под ногами, перешли к англичанам. Сначала исчезли супруги Вермерен, которые были срочно вывезены англичанами в Каир, а за ними последовали супруги Клечковские, работавшее на отдел абвера-III (контрразведка) в Анкаре.

Гнев Гитлера не знал границ. Он чуял предательство. Фюрер приказал немедленно подготовить приказ о включении абвера в имперское ведомство безопасности. Поединок между СД и абвером закончился в пользу Кальтенбруннера. По его приказу абвер был включен в шестое управление имперского ведомства безопасности, руководимое Шелленбергом.

Канариса отстранили от руководства абвером, но, чтобы не дать повода к слухам о развале фашистской разведки, его назначили на незначительную должность — начальника управления экономической войны. Это, по существу, означало почетную отставку.

Ведомство Канариса закончило свое существование. Сам адмирал мог надеяться теперь лишь на одно — пересидеть на новом месте крушение рейха. Но главари гестапо не собирались дать ему такую возможность. На третий день после покушения на Гитлера, когда волна массовых арестов прокатилась по всей Германии, Канариса арестовали.

Последние дни

Итак мы подошли к концу…

Мы видели Канариса на заре его карьеры, когда он, не брезгуя ничем, пробивался к власти, к ее тайным пружинам, скрытым от глаз столь презираемых им простых смертных. Затем мы видели его на «вершине славы», в те страшные военные годы, когда он плел интриги в масштабе многих стран, когда щупальца абвера легли на карту мира, когда хитроумный адмирал с помощью созданного им аппарата вертел политиками и правителями порабощенной Европы и, сидя в своем кабинете в Берлине, разыгрывал бесчисленные шахматные партии, пешками в которых были каудильо, премьеры, маршалы…

Теперь нам осталось описать последний акт.

Канариса убили нацисты, те самые нацисты, с которыми он связал свою жизнь и слугой которых был.

По иронии судьбы, эпилог его жизни разыгрался в концлагере, созданном, как и все другие нацистские концлагеря, для истребления «неполноценных личностей», людей с «нечистой кровью», антифашистов и коммунистов, с которыми весь свой век боролся Канарис.

Итак, концлагерь Флоссенбюрг… Ряды деревянных бараков и одноэтажное каменное здание. Сорок камер, длинный коридор. В первые годы войны в камеры сажали узников, которые «нарушали лагерный режим», а потом, в 1944—1945 годах, — особо важных преступников; камеры служили карцерами, и путь из них был только один: через коридор во двор, в «контору» концлагеря, а оттуда вновь на лагерный двор — место казни. Звеня кандалами, проходили узники по длинному коридору. В конторе приговоренных к смерти раздевали догола. Последнее унижение, последняя попытка втоптать в грязь все то, что Канарис всегда сбрасывал со счетов, — человеческую душу, человеческое достоинство. И последняя дань тому, перед чем он так преклонялся, — силе, безотказно действующему аппарату, расчетливости… Одежда узников переходила в склады фашистского государства целехонькая и в меру чистая, не загрязненная ни кровью, ни предсмертным потом приговоренных… Эсэсовцы выводили раздетого догола узника во двор. И здесь его либо ставили на колени лицом к свинцовой квадратной пластине, укрепленной в глухой каменной стене, и убивали выстрелом в затылок, либо вешали на одном из шести железных крюков, вбитых в ту же стену.

О последних днях Канариса мы имеем более или менее

подробные сведения.

Адмирала посадили в камеру 22, а в камере под номером 21 сидел бывший начальник датской военной разведки обер-лейтенант Ганс Матизен Лундинг, которому удалось спастись благодаря спешной эвакуации лагеря через несколько дней после казни Канариса. Правда, Лундинг не был знаком с Канарисом лично, но он сразу узнал его, так как видел начальника абвера в Копенгагене.

В те дни во Флоссенбюрге находились также бывший начальник фашистского генштаба Гальдер и Шлабрендорф — активный участник заговора 20 июля. Показания этих трех людей, особенно Лундинга, который перестукивался с Канарисом, позволяют воссоздать картину гибели адмирала.

Гальдер выступал свидетелем на процессе эсэсовца Хуппенкотена в Мюнхене в 1951 году, того самого «мясника» Хуппенкотена, подручного Кальтенбруннера, который вел последние, самые жестокие допросы Канариса, а потом отправил его на смерть.

В день казни Канариса Гальдера перевели в Дахау, но он подробно рассказал о том, как вообще проходила процедура казни во Флоссенбюрге, а из показаний Лундинга известно, что таким же образом казнили и Канариса. «В толстых дубовых дверях камер, — рассказывал Гальдер, — были щели, и через них можно было иногда по утрам видеть, как бесшумно скользят голые фигуры людей к углу двора, где совершались казни. После этого был слышен стук подбитых гвоздями сапог эсэсовцев и сквозь щели было видно, как эсэсовцы проносили носилки с трупами».

Шлабрендорф, также выступавший на процессе Хуппенкотена в качестве свидетеля, рассказал, что в день смерти Канариса, гуляя по двору (особо важным узникам во Флоссенбюрге полагалась получасовая прогулка), он заговорил со своим стражником, и тот сказал: «Маленького адмирала сегодня утром повесили; его несколько раз вздергивали и потом снова опускали. Он был такой живучий». Шлабрендорф понял, что речь могла идти только о Вильгельме Канарисе.

Гораздо подробнее показания Лундинга, который общался с Канарисом со дня прибытия адмирала во Флоссенбюрг в феврале 1945 года до его казни 9 апреля 1945 года. Канарис поразил Лундинга своей цепкостью и волей к жизни. По словам датского обер-лейтенанта, он не был ни безучастным, ни сломленным физически.

Почему же Канарис, казавшийся апатичным, почти полубезумным задолго до своего ареста, сравнительно легко

переносил заключение во Флоссенбюрге, которому предшествовали долгие месяцы допросов на Принц-Альбрехтштрассе?

Лундинг дает нам на это ответ: Канарис был почти уверен, что ему удастся пережить крушение рейха, которое приближалось с каждым днем (Канариса казнили ровно за месяц до безоговорочной капитуляции Германии). Еще в гестапо, несмотря на строжайшую изоляцию, узники общались между собой: заключенных водили в общее бомбоубежище; к ним поэтому просачивалась кое-какая информация. Да и в концлагере Флоссенбюрг в последние месяцы перед концом войны узники не были полностью оторваны от внешнего мира. Изрядно напуганные конвоиры смотрели на многое сквозь пальцы. Немудрено, что Канарис имел достаточно сведений, чтобы понять: час фашистской Германии фактически уже пробил.

Даже во Флоссенбюрге адмирал не изменил своей тактике: был предельно осторожен и скрытен… Лундингу удалось передать Канарису записку. В ответной записке бывший начальник абвера уверял, что его арест — «результат ошибок и недоразумений», ибо те «преступления, в которых его обвиняют, он никогда не совершал». Перестукиваясь с Лундингом, Канарис беспрестанно уверял, что в руках у гестапо нет «никаких убедительных улик против него».

Во второй половине марта в лагерь Флоссенбюрг прибыл сам Кальтенбруннер. В этот день состоялся последний разговор двух старых врагов и соперников. Тот же Лундинг рассказал, что через щель двери он видел, как громадный, массивный Кальтенбруннер и маленький, щуплый Канарис ходили взад и вперед по лагерному двору. Время от времени Кальтенбруннер угрожающе размахивал своими ручищами убийцы, а Канарис отвечал на это вкрадчивыми осторожными жестами. О чем разговаривал Кальтенбруннер с Канарисом, так и осталось неизвестным… Хотел ли Кальтенбруннер все же добиться под конец каких-то признаний от бывшего шефа разведки? Или он на свой страх и риск пытался договориться с Канарисом, рассчитывая на его влияние и связи?

Этого мы не знаем. Но как бы то ни было, после отъезда Кальтенбруннера из концлагеря положение Канариса заметно ухудшилось, а 6 или 7 апреля, когда из Берлина во Флоссенбюрг прибыл Хуппенкотен в сопровождении одного из своих оруженосцев, Штарвицки, Канарис понял, что его часы сочтены. Хуппенкотен начал избивать Канариса на допросах. В ночь с 8 на 9 апреля, перестукиваясь с Лундингом, адмирал сообщил: «Думаю, что это конец».

Из всех процитированных выше свидетельских показаний явствует, что главари гестапо расправились с Канарисом не как с «особо важным преступником» из своей шайки, т. е. без соблюдения внешних формальностей (суд, пусть инсценированный, следствие и т. д.), а так, как они расправлялись со своими врагами, не имевшими чинов и званий. Вздернули на крюк — и концы в воду…

Это можно было бы объяснить давним соперничеством между Кальтенбруннером и Канарисом, Гиммлером и Канарисом, эсэсовцами и абвером, давней ненавистью, заскорузлой завистью.

Однако дело обстояло куда сложней. Гестаповцы ни в коем случае не могли допустить, чтобы Канарис пережил фашистский строй, конец которого приближался с неумолимой быстротой. Они боялись разоблачений адмирала, его международных связей.

В сборнике документов «Донесения Кальтенбруннера Борману и Гитлеру» подробно цитируются показания барона Каульбарса, личного друга Канариса. Ссылаясь на свой разговор с неким доверенным лицом шведского атташе, который имел место в связи с ожидавшейся отставкой Канариса с поста начальника абвера, Каульбарс передает «точку зрения заграничных кругов» на этот факт. По словам Каульбарса, ему было сообщено следующее:

«Известие об отставке адмирала явилось бы *сигналам для заграницы прервать какие бы то ни было отношения с Германией. Канарис — один из тех немногих лиц, с которыми иностранные державы еще согласились бы вести переговоры и сотрудничать».*

И далее:

«С отставкой адмирала отпадают все возможности какого бы то ни было соглашения в том случае, если Германия сочла бы нужным пойти на переговоры с вражескими державами о заключении приемлемого для обеих сторон мира».

По всей видимости, сообщая эти сведения, Каульбарс хотел помочь Канарису, спасти его из гестаповской ловушки. Ему, так же как самому Канарису, казалось, что связи с реакцией на Западе могут спасти адмирала.

Каульбарс и сам Канарис рассматривали факт «приемлемости» бывшего начальника абвера для реакционных кругов Англии и США, его многообразные международные связи как важный *шанс* для сговора с гитлеровской верхушкой. В обмен на жизнь Канарис мог обещать Гиммлеру и Кальтенбруннеру «походатайствовать» за них перед своими друзьями за границей.

Однако Кальтенбруннер прокомментировал показания Каульбарса нижеследующим образом: «Благодаря высказываниям Каульбарса становится ясным, *как Канарис оценивался в рамках всего заговора».*

Из этих комментариев видно, что даже Кальтенбруннер разгадал замыслы Канариса и его приятелей. Игра Канариса была ему, очевидно, ясна. Но, как показывают дальнейшие события и сама казнь Канариса, тот козырь, на который так рассчитывал начальник абвера, обернулся против него. Более того, он прямой дорогой привел его к роковой стене во Флоссенбюрге. Именно потому, что Канарис был приемлемой фигурой для некоторых деятелей США и Англии, он стал совершенно неприемлем для главарей фашистской империи накануне ее падения.

Известно, что «без пяти минут двенадцать», как любили выражаться гитлеровцы, даже Гиммлер пытался договориться с англо-американскими реакционными кругами. Известно, что эсэсовцы и гестаповцы накануне разгрома бежали поближе к западным границам рейха, надеясь, что их «подберут» там английские и американские милитаристы. И Гиммлер и все его сотрудники спали и видели, как бы сговориться с реакционными кругами Англии и США о совместной борьбе против Советского Союза, «мирового коммунизма» и всех сил прогресса. Разумеется, они понимали, что Канарис имел возможности опередить их и спеться с англо-американской реакцией за их спиной, а главное, *за их счет.* Ведь он уже давно готовил для себя пути отступления, давно заигрывал с Западом. К тому же там у него были могущественные друзья — каудильо был с ним тесно связан, Бадольо он негласно помогал, с Даллесом всегда мог сговориться… Да и аппарат абвера… Что стоит адмиралу после падения нацистского режима переловить с помощью этого аппарата фашистских карателей, от Гиммлера и Кальтенбруннера до более мелких их приспешников типа Хуппенкотена (которому, кстати сказать, удалось избежать суда до 1951 года), и явиться пред «светлые очи» западных покровителей в роли этакого антинациста? Что стоит ему сделать карьеру на костях своих более грубых, более откровенных и менее дальновидных соучастников по преступлениям?

Фашистский адмирал перехитрил самого себя, запутался в собственных интригах и комбинациях. Однако возникновение легенды о Канарисе — факт вполне закономерный.

Бесславная жизнь и деятельность двуликого адмирала приукрашивается сейчас всеми средствами и способами именно потому, что среди нескольких десятков людей, разделявших фактически власть с Гитлером, Канарис был одной из самых приемлемых фигур для реакционных милитаристских кругов Запада, наиболее гибким и ловким немецким фашистом, который ставил сразу на несколько лошадок, всегда имел запасные выходы и в случае надобности мог с легкостью переменить хозяина,

принять новую присягу, подписаться под иной программой, оставаясь верным делу своей жизни — антикоммунизму.

Заключение

Абвер оказался порождением более живучим, чем его шеф. Более живучими оказались также принципы тотального шпионажа, которые проповедовал Канарис. Они пережили и самого адмирала и фашистскую империю. Эти принципы взяли на вооружение новые авантюристы и любители агрессии, выступившие на мировую арену после крушения гитлеровской империи.

Адмирал в последние годы войны готовил пути к отступлению не только для себя, но и для абвера как института и как орудия империализма, которое может выступать под разными флагами. Он даже подобрал себе преемника.

Имя его — Рейнгард Гелен.

В середине 1942 года в бывшем имении Воронино, близ города Винницы, на оккупированной фашистами территории Советского Союза, состоялась встреча между Канарисом и Геленом, во время которой адмирал, по существу, сделал его своим главным наследником.

Рейнгард Гелен был тогда полковником (впоследствии дослужился до звания генерал-лейтенанта). Он руководил отделом «Иностранные армии — Восток» в верховном командовании сухопутной армией. Отделы «Иностранные армии» выполняли оперативные задания, связанные с получением разведывательных данных непосредственно на фронте и с работой по разложению войск противника. Опекал их абвер.

В середине 1942 года, когда положение Канариса впервые пошатнулось, он задумал превратить отдел под руководством Гелена в своего рода запасную позицию абвера. Адмирал решил наделить этот отдел функциями, которые выполнял до сих пор только абвер. Отдел Гелена должен был заняться всеми видами разведывательной работы: политическим, экономическим и военным шпионажем, саботажем и диверсиями, «психологической» войной (пропагандой). Для этого была предпринята далеко идущая перестройка отдела. Он превратился в «маленький абвер».

Договоренность, достигнутая между Канарисом и Геленом в 1942 году, получила в литературе название «концепция Воронино». Коротко говоря, суть ее заключалась в следующем.

Во-первых, фашистская разведка делилась, по существу, на две параллельные «взаимозаменяемые» ветви. Но если абвер отвечал перед Гитлером и командованием вермахта, то отдел Гелена — только перед генеральным штабом. Таким образом,

была создана чисто военная организация, не находившаяся под непосредственным контролем Гитлера и вместе с тем способная выполнять функции абвера в том виде, в каком их понимал Канарис.

Во-вторых, отдел Гелена сконцентрировал усилия на ведении борьбы против Советского Союза и его Вооруженных Сил. Иными словами, он приобрел характер сугубо антикоммунистической организации.

Отдел Гелена создал свой архив и принял часть архива абвера, касающегося агентуры в Восточной Европе и опыта операций, проведенных на советской территории.

Канарис явно готовился к сепаратному сговору с Западом, и отдел Гелена должен был облегчить ему этот маневр.

Смысл «концепции Воронино» полностью раскрылся лишь после крушения фашистской империи. Гелен явился в штаб американских вооруженных сил и был принят там с распростертыми объятиями. Он предоставил в распоряжение американцев буквально тонны «секретных государственных дел»; все архивы, досье, относившиеся к работе абвера на Востоке.

Материал оказался настолько ценным, что его тут же на самолетах (вместе с Геленом) вывезли в Вашингтон. Там работа Гелена была оценена соответствующим образом: он был назначен главой шпионской организации, своего рода американского филиала абвера.

«Организация Гелена» оставалась в ведении американских властей с 1945 по 1955 год. А когда после Парижских соглашений 1954 года ремилитаризация Западной Германии была легализована, Вашингтон передал новый абвер в руки западногерманских милитаристов. С 1956 года ведомство Гелена стало именоваться федеральной службой информации.

Под крылышком Пентагона аппарат Гелена превратился в разветвленную шпионскую организацию. С 1945 по 1955 год он получил от американцев субсидии в размере 150 миллионов марок. За последующие восемь лет (1956—1963 годы) бюджет его вырос более чем в два раза — он составил 340 миллионов марок. На 1965 год бюджет федеральной службы информации определен в 68 миллионов марок — в три раза больше, чем сумма, ассигнованная в 1956 году.

Аппарат раздулся до гигантских размеров. В нем насчитывается около 5 тысяч служащих (т. е. значительно больше, чем в аппарате абвера накануне второй мировой войны). Число его агентов определяется некоторыми источниками в 17 тысяч человек.

Резиденция Гелена находится в Пуллахе, близ Мюнхена.

Здесь размещена генеральная дирекция — «мозг» западногерманской разведки. Построение федеральной службы информации в общем соответствует структуре абвера. Генеральные представительства заменили бывшие местные органы абвера — АСТ, а заграничные резидентуры — бывшие опорные пункты абвера в иностранных государствах — КО.

Грязные дела организации Гелена стали известны в результате многочисленных процессов над ее агентами, а также из материалов пресс-конференций, состоявшихся в Берлине, Праге и Варшаве. Гелен остался верен традициям абвера. А его многочисленные агенты усвоили приемы диверсантов и саботажников из отдела-II Лахузена.

И это не случайно. В штате организации Гелена мы встречаем многих старых служащих абвера. Но вместе с тем федеральная служба информации собрала под свои знамена и старых конкурентов абвера — сотрудников СД. В аппарате Гелена состоялось «примирение» и «воссоединение» двух разведывательных служб гитлеровского рейха.

Для иллюстрации назовем некоторые фамилии бывших видных сотрудников Гиммлера и Кальтенбруннера, служащих ныне в организации Гелена:

бывший бригаденфюрер СД Альфред Сикс;

бывший штандартенфюрер СД Франц Виммер-Ламквет (известный ныне под именем Стефан Штурм);

бывший штурмбанфюрер СД доктор Эмиль Аугсбург (известный под именем Альгауса);

бывший штурмбанфюрер СД доктор Вильгельм Хетль (он же Вальтер Хаген)[10];

бывший штурмбанфюрер СС Фриц Шмидт (он же Фридрих Шютте);

бывший зондерфюрер СД Михаэль Ахметели (он же К. Михаель)[11].

Так в Западной Германии возродились традиции абвера и службы безопасности. «Концепция Воронино» дала свои плоды.

Однако дух фашистской разведки живет не только в организации Гелена.

В Бонне подвизается немало питомцев и учеников Канариса.

С Теодором Оберлендером мы уже знакомы — он был командиром батальонов «Нахтигаль» и «Бергман», творивших неслыханные зверства на территории Советского Союза.

В конце войны Оберлендер очутился в Праге. В марте 1945 года он стал руководителем «учебного лагеря», в котором обучались солдаты так называемой «армии Власова». Из их рядов он вербовал шпионов и диверсантов для абвера.

В мае 1945 года этот военный преступник сдался в плен американцам. Он был отправлен в лагерь для военнопленных в Англию. Вскоре Оберлендера выпустили, он вернулся в Западную Германию и начал вновь делать политическую карьеру.

Сначала он примкнул к так называемой «партии переселенцев и изгнанных», где вскоре обратил на себя внимание реваншистскими речами. На парламентских выборах 1953 года Оберлендера избрали в бундестаг. Аденауэр сделал его министром по делам переселенцев. В следующем году этот бывший командир карательных отрядов абвера и «специалист по Востоку» стал председателем «партии переселенцев». А еще через год, когда обнаружились разногласия между Аденауэром и большинством руководителей этой партии, переметнулся к Христианско-демократическому союзу.

В течение восьми лет (1953—1961 годы) Оберлендер оставался на посту министра, несмотря на то что общественность многих стран, в том числе и демократическая общественность Западной Германии, требовала его отставки, как бывшего нациста и военного преступника.

Программа Оберлендера была довольно четко охарактеризована западногерманской газетой «Франкфуртер рундшау» 2 октября 1959 года. Газета писала: «Он является последовательным сторонником идеи особой немецкой миссии в Восточной Европе. Будучи воинствующим антикоммунистом, Оберлендер выдвигает территориальные требования, направленные на восстановление восточных границ Германии».

29 апреля 1960 года верховный суд ГДР на основании неопровержимых данных, свидетельствующих о тяжелых преступлениях Оберлендера, приговорил его заочно к пожизненному тюремному заключению.

Но Оберлендер еще больше года оставался на посту министра. Однако после новых парламентских выборов, в 1961 году, Аденауэр не решился включить его снова в свой кабинет. Тем не менее он до сих пор остается видной политической фигурой в Бонне, продолжает выступать с реваншистскими поджигательскими речами и статьями.

Совершенно очевидно, что гелены, оберлендеры… и те, кто стоят за их спиной, не извлекли должных уроков из опыта второй мировой войны, когда концепции тотальной войны, тотального террора, тотального шпионажа потерпели сокрушительное поражение, а их создатели и апологеты, от Гитлера до Гиммлера, от Розенберга до Канариса, оказались полными и окончательными банкротами.

Судьба двуликого адмирала и его хозяев — предостережение

всем нынешним агрессорам, всем тем, кто протаскивает под новыми этикетками старые фашистские теории и программы.

notes

Примечания

1

Гестапо (тайная полиция) — IV управление имперского ведомства безопасности.

2

Кальтенбруннер — с 1942 года, после убийства Гейдриха, начальник имперского ведомства безопасности.

3

Комиссия по расследованию обстоятельств покушения на Гитлера, совершенного 20 июля 1944 года в его ставке.

4

Организация голландских фашистов, тесно связанная с гитлеровской разведкой.

5

Цитата взята из послесловия к книге «Засекреченные, разочарованные и все же верные навек», изданной в ФРГ в 1959 году. В примечаниях к этой книге сказано, что автор послесловия в течение двух десятилетий был близким другом Канариса и командовал полком дивизии «Бранденбург». Свое имя он раскрыть не пожелал. Послесловие имеет особую ценность не только как исповедь участника преступлений дивизии «Бранденбург», но и как программный документ нынешних наследников абвера в Западной Германии.

6

Пауль Леверкюн, бывший резидент Канариса на Среднем Востоке, стал в ФРГ депутатом бундестага. Не так давно он решил воспеть фашистскую разведку и его главу Канариса и выпустил книгу «Тайная служба разведки». Леверкюн невольно приоткрыл завесу над некоторыми преступными деяниями абвера, в особенности подчиненного ему батальона «Нахтигаль».

Правда, по другой версии, шеф абвера сумел переправить копию дневника в Швейцарию и спрятать там в сейфе швейцарского банка. Но мы не располагаем подтверждениями этой версии. По сведениям зарубежной печати, усилия, которые были предприняты разведками некоторых империалистических стран, заполучить в свои руки копию дневника не увенчались успехом.

После войны норвежское правительство произвело расследование этого факта и признало виновным бывшего работника посольства в Берлине.

Впервые этот факт был сообщен самим Мюллером Генриху Френкелю и Роджеру Мэнвилю, авторам вышедшей в 1964 году в Англии книги о заговоре против Гитлера 20 июля 1944 года.

10

В. Хетль был начальником отдела Юго-Восточной Европы в управлении Шелленберга. Он выпустил в 1956 году мемуары под названием «Тайный фронт».

11

Ахметели был одновременно доверенным лицом Кальтенбруннера и Канариса в Польше и в оккупированных районах Советского Союза.